

P-179294

А. КОНАН ДООЛ

АРАКОТОВА БЕЗДНА

Библиотека
научно-
фантастички
приклучоци

ДЕТГИЗ

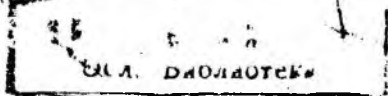
БИБЛИОТЕКА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

А. КОНАН-ДОЙЛ

МАРАКОТОВА БЕЗДНА

Перевод и обработка
Н. РЫКОВОЙ

Рисунки ПАВЛА ПАВЛИНОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

НАП. СФСР

МОСКВА 1944 ЛЕНИНГРАД

К-64 + Англ.

АРТУР КОНАН-ДОЙЛ

(1859—1930)

Имя знаменитого сыщика Шерлока Холмса известно всему читающему миру. «Ну, ты настоящий Шерлок Холмс!» часто говорят проникательному человеку, тонко разбирающемуся во всяких таинственных, загадочных, запутанных делах. Имя писателя Артура Конан-Дойла — литературного отца Шерлока Холмса — гораздо менее популярно. Артур Конан-Дойл мало известен у нас и как автор многочисленных и разнообразных романов, повестей, рассказов — исторических, морских, охотничьих, военных, медицинских. Но на Западе, особенно в Англии и США, их читали, увлекались ими, и автор — современник Герберта Уэллса — соперничал с ним в литературной славе и успехе. Конан-Дойл не так глубок, как Уэллс, его произведения не столь художественны, не столь образны, более легковесны; но Конан-Дойл — неподражаемый рассказчик, его сюжеты

всегда увлекательны, действие развивается стремительно, и почти каждую книгу его жаль закрывать, когда она дочитана.

Конан-Дойл родился в 1859 году, Уэллс — в 1866 году. Та же, примерно, дистанция сохранилась между ними и в их литературной деятельности: Конан-Дойл выступил со своим первым произведением в 1887 году, Уэллс начал свою литературную карьеру лет через семь-восемь. Первой повестью Конан-Дойла был «Этюд в алых тонах» (о Шерлоке Холмсе), а через год появился его исторический роман «Михей Кларк», с которого и начинается слава автора. Первой книгой Уэллса, прошедшей незамеченной, была фантастическая «Машина времени».

Казалось, литературные пути этих двух писателей разошлись и чем дальше, тем больше расходились. Конан-Дойл продолжал увлекаться похождениями своего любимца — сыщика Шерлока Холмса. Уэллс, начавший с фантастики, потом отошел от нее, стал политическим и бытовым писателем Англии, но опять неоднократно возвращался в мир фантастики, пытаясь в этом жанре решать мучившие его проблемы, тревоги и заботы.

И вдруг, уже кончая свое литературное и жизненное поприще, Конан-Дойл изумил своих читателей и поклонников, выпустив новую книгу — «Затерянный мир» — в совершенно необычном для него научно-фантастическом жанре. И неожиданно обнаружилась новая сторона таланта престарелого уже автора: его прекрасная способность популяризировать завоевания современной науки, передавать их широким кругам читателей в увлекательном изложении, в напряженном сюжетном рассказе, полном движения, борьбы людей между собой и со стихиями природы. С новой силой сказались и опыт талантливого рассказчика и научная подготовка. Ведь Конан-Дойл окончил медицинский факультет Эдинбург-

ского университета, путешествовал по Африке и полярным странам, восемь лет занимался медицинской практикой и был госпитальным врачом всю англо-бурскую войну. Книга имела шумный успех. За ней последовали фантастические рассказы: «Отравленный пояс», «Когда земля вскрикнула», «Маракотова бездна».

В 1930 году Артур Конан-Дойл умер в возрасте семидесяти одного года, не закончив намеченный им цикл фантастических и научно-фантастических произведений.

Это разделение внутри самого жанра имеет свои основания. Если «Затерянный мир», несмотря на всю свою фантастичность, построен на строго научной почве, могущей выдержать самую придирчивую критику, то в рассказе «Когда земля вскрикнула» автор очень свободно обращается с наукой.

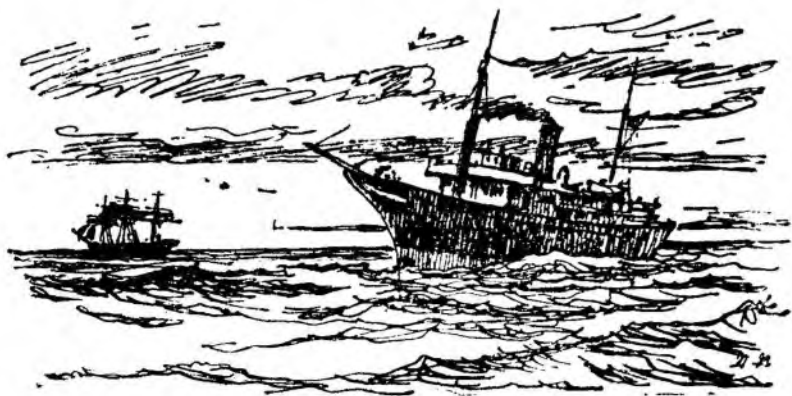
В рассказе «Маракотова бездна», появившемся в 1927 году, лучше всего проявились характерные черты творчества Конан-Дойла в области научной фантастики. Тут и предвосхищение будущей батисферы Биба, в которой лишь в 1930 году люди впервые опустились в недоступные до тех пор глубины океана, и удачные попытки нарисовать картину глубоководной морской жизни, ее флоры и фауны, и нескрываемое восхищение беззаветной отвагой и мужеством ученого, увлеченного бескорыстной страстью к науке, к познанию природы. Стиль Конан-Дойла внешне спокоен, деловит, рассказ изобилует обыденными подробностями, и в то же время сюжет полон напряжения, действие развивается стремительно. Строгая научность порою причудливо переплетается с безудержной, необоснованной фантастикой.

Зачем, например, автору понадобилось отвергнуть научно установленный и давно проверенный факт все возрастающего с глубиной давления воды? Потому что без этого были бы невозможны увлекательные приключения героев на дне океана.

Обосновано ли существование на дне океана сказочного племени атлантов? Очень слабо, даже в смысле хотя бы минимальной «научообразной» правдоподобности. Но если Уэллс в рассказе «На дне океана» допустил существование подводных двуногих, дышащих жабрами — чудовищных карикатур на людей, — то хотя столь же мало обоснованно, но гораздо более красиво, увлекательно и романтично использовал Конан-Дойл древнюю легенду о затонувшей Атлантиде и народе атлантов.

Рядом с этими двумя основными научными неточностями не стоит отмечать несколько других, более мелких. Все они, вместе взятые, не могут лишить этот рассказ интереса, которого он заслуживает в глазах каждого любителя научно-фантастического жанра.

Гр. Адамов

МАРАКОТОВА БЕЗДНА

Так как ныне эти документы попали в мои руки для издания, я должен предварительно напомнить читателю о трагическом исчезновении яхты «Стратфорд», которая год назад вышла в море для океанографических исследований и изучения жизни морских бездн. Организовал экспедицию доктор Маракот, знаменитый автор «Ложнокоралловых формаций» и «Морфологии пластинчатожаберных». Доктора Маракота сопровождал мистер Кирус Дж. Хедли, бывший ассистент Зоологического института в Кембридже, штат Массачузетс, перед отправлением в плавание работавший в Оксфорде сверхштатным приват-доцентом. Вел судно капитан Хови, опытный моряк, а команда его состояла из двадцати трех человек; в том числе был американец механик с завода Меррибэнк в Филадельфии.

Все они — и команда и пассажиры — исчезли без следа, и единственным воспоминанием о «Стратфорде» было донесение одного норвежского барка¹, который действительно встретил яхту, похожую по приметам на погибшее судно, и видел, как она пошла ко дну во время сильной бури осенью 1926 года. Позже по соседству с местом, где разыгралась трагедия, был найден спасательный ящик с надписью «Стратфорд»; там же плавали решетки, сорван-

¹ Барк — судно с прямыми парусами.

ные с дека¹, спасательный буюк и деревянная перекладина. Все это, вместе с отсутствием каких-либо сведений о яхте, создавало полную уверенность в том, что никто и никогда не услышит больше ни о корабле, ни о команде. Еще больше подтвердила эту уверенность странная радиogramма, случайно перехваченная в то время, не совсем понятная, но не оставляющая сомнений в трагической судьбе судна. Текст радиogramмы я приведу позже.

В настоящее время существуют всего четыре документа, обрисовывающих уже известные всем факты.

Первый из них — письмо, написанное мистером Кирусом Хедли с острова Гран-Канария² его другу сэру Джемсу Тальботу из Оксфордского Тринити-Колледжа.

Второй — странный призыв по радио, о котором я упоминал.

Третий — та часть судового дневника «Арабеллы Ноулес», где говорится о стеклянном шаре.

Четвертый, и последний, — удивительное содержание этого шара.

Сделав эти оговорки, я привожу письмо мистера Хедли, любезно переданное в мое распоряжение сэром Джемсом Тальботом и до сего времени еще не опубликованное.

Оно датировано первым октября 1926 года.

Письмо Кируса Хедли

Посылаю вам это письмо, дорогой Тальбот, из Порта де-ла-Лус, где мы остановились на отдых на несколько дней. В этом плавании моим постоянным товарищем был Биль Сканлэн, главный механик; он мой земляк, у него очень общительный характер, и, естественно, мы с ним сблизились. И тем не менее сегодня я один: он отправился, по его выражению, «проветрить мозги».

Вы встречали Маракота и знаете, какой это сухой человек. Я вам рассказывал, кажется, как он встретился со мной и пригласил к себе работать. Он искал ассистента и обратился к старому Сомервиллу из Зоологического института. Сомервилл послал ему мою премированную работу о морских крабах; остальное уладилось само собой.

¹ Дек — палуба.

² Гран-Канария — один из островов Канарского архипелага.

Разумеется, такое путешествие, да еще связанное с работой по специальности, — чудесная вещь, но я предпочел бы работать с кем угодно, только не с этой живой мумией Маракотом. Он так изолирует себя от внешнего мира и так поглощен своим делом, что просто теряет человеческие черты. «Самый окаменелый камень в мире» — выразился про него Биль Сканлэн. Но несмотря на это, нельзя не уважать такой абсолютной преданности науке.

Теперь я знаю Маракота не ближе, чем знал тогда, в маленькой приемной с видом на Оксфорд-Хай. Он ничего не говорит, и его худощавое суровое лицо — лицо Савонаролы¹, или, вернее, Торквемады² — никогда не озаряется улыбкой. Длинный, тонкий, выдающийся вперед нос, близко посаженные маленькие, серые, сверкающие глазки под нависшими клочковатыми бровями, тонкие губы, всегда плотно сжатые, щеки, провалившиеся от постоянного умственного напряжения и аскетической жизни, — вся его внешность не располагает к сближению.

Но буду рассказывать все по порядку, а вы уж сами разберетесь и сделаете выводы.

Итак, о начале нашего плавания.

«Стратфорд» — славная морская яхта, специально приспособленная для океанографических исследований. Она имеет тысячу двести тонн водоизмещения, просторные палубы и хорошо оборудованные трюмы, вмещающие всевозможные приспособления для измерения глубин, траления, драгирования и глубоководной ловли сетями; мощные паровые лебедки и ворота для траления; множество других специальных аппаратов, частью общеизвестных, частью новых и притом необычайного вида. Наконец, имеются на яхте также комфортабельные каюты и прекрасно оборудованная лаборатория для наших специальных работ.

Еще до отплытия «Стратфорд» приобрел репутацию таинственного корабля, и вскоре я узнал, что эти слухи имели под собой некоторую почву.

Начало нашего плавания было в достаточной степени обыкновенно. Выйдя из Темзы, мы покрутились по Северному морю, обогнули Шотландию, прошли вблизи острова Фаро и добрались до рифа Вивилль-Томсон, а потом на-

¹ Савонарола — итальянский проповедник, реформатор XV века, изобличавший распушенность тогдашнего духовенства. Казнен папой Александром VI.

² Торквемада — глава испанской инквизиции.

Иногда мы вытаскивали ил, распадавшийся под микроскопом на миллионы тончайших круглых и прямоугольных телец, разделенных между собой прослойками аморфной¹ грязи. Я не стану перечислять вам всех этих броиулид и макрутид, асцидий и голотурий, полипов и иглокожих; могу лишь сказать, что плоды океана неистощимы и мы действительно их собирали. И все время я не мог отделаться от ощущения, что не **за тем** привез нас сюда Маракот, что другие планы скрываются в этом сухом, узком черепе египетской мумии...

Дописав письмо до этого места, я отправился на берег, чтобы в последний раз перед отплытием (оно состоится завтра утром) прогуляться по твердой земле. Оказалось, что моя прогулка вышла весьма кстати, потому что на пристани разыгрался серьезный скандал с участием в главных ролях Маракота и Билья Сканлэна. Биль известный задира и, по его выражению, у него часто бывает зуд в кулаках, но, когда его окружили человек шесть испанцев, и все с ножами, положение механика стало незавидным. Как раз в этот момент мне удалось вмешаться. Оказалось, что доктор нанял одно из тех странных сооружений, которые неприхотливые туземцы называют пролетками, объехал пол-острова, обследуя его с геологической точки зрения, но совершенно позабыл, что не захватил с собой денег. Когда дело дошло до расплаты, он никак не мог объяснить туземцам, в чем дело, а извозчик в залог стал отнимать у него часы. Тут вмешался Биль Сканлэн, и не миновать бы им обоим ножа, если бы я не уладил дело, компенсировав извозчика одним, а парня с подбитым глазом — пятью долларами. Все сошло благополучно, и тут-то в Маракоте впервые обнаружились человеческие чувства. Когда мы добрались до яхты, он пригласил меня в свою маленькую каюту и поблагодарил за вмешательство.

— Да, кстати, мистер Хедли, — заметил доктор. — Насколько мне известно, вы не женаты?

— Нет, — ответил я.

— Так что от вас никто не зависит?

— Нет.

— Прекрасно, — сказал он. — Я молчал пока о своих

¹ Аморфный — бесформенный, не имеющий кристаллического строения.

намерениях, имея основательные причины держать их в тайне. Основная причина — боязнь, что меня могут опередить. Когда разглашаются научные идеи, их могут предвосхитить другие, как Амундсен предвосхитил идею Скотта. Если бы Скотт, как я, хранил свой проект в тайне, то не Амундсен, а он первый достиг бы Южного полюса. Потому-то я и молчал. Но сейчас мы подходим вплотную к нашему великому приключению, и никакой соперник не успеет предвосхитить мои идеи. Завтра мы поплывем к нашей настоящей цели.

Маракот весь подался вперед, и его аскетическое лицо зажглось энтузиазмом фанатика.

— Наша цель, — сказал он, — дно Атлантического океана!

Думаю, что в этом месте моего письма у вас так же захватит дыхание, как захватило у меня при этих словах.

— Да, сэр, мы «нырнем». Это самое подходящее слово в данном случае, и этот нырок станет историческим в летописях науки. Позвольте вам заявить, что я твердо убежден в совершенной неправильности ходячего мнения об огромном давлении океана на больших глубинах. Совершенно ясно, что существуют другие факторы, нейтрализующие это действие толстого слоя воды, хотя я пока еще не могу сказать, каковы эти факторы. Это одна из тех задач, которые мы должны решить. Позвольте же спросить вас: какое давление вы ожидаете встретить на глубине одного километра под водой?

Он сверкнул на меня глазами сквозь большие роговые очки.

— Не менее ста килограммов на квадратный сантиметр, — ответил я. — Это доказано.

— Задача пионера науки всегда состояла в том, чтобы опровергать то, что было доказано. Пошевелите мозгами, молодой человек! В течение последнего месяца вы вылавливали самые хрупкие глубоководные формы жизни, существа столь нежные, что вы еле-еле могли переносить их из сетки в банку, не повредив их чувствительных покровов. Что же, это доказывало наличие чрезвычайного давления?

— Давление уравнивалось, — ответил я. — Оно одинаково и изнутри и снаружи.

— Пустые слова! — крикнул Маракот, нетерпеливо тряся узкой головой. — Вы вытаскивали круглых рыб. Раз-

ве их не расплющило бы в лепешку, если бы давление было таково, как вы полагаете? Или посмотрите на наши глубинные измерители — ведь они не сплюсчиваются даже при самом глубоком тралении.

— Но опыт исследователей...

— Конечно, он кое-чего стоит. Ученые улавливают и измеряют давление, едва достаточное, чтобы повлиять на самый, пожалуй, чувствительный орган тела — на внутреннее ухо¹. Но, по моим предположениям, мы совершенно не будем подвергаться давлению. Нас опустят вниз в стальной кабине с хрустальными окнами с каждой стороны для наблюдений. Если давление недостаточно сильно, чтобы вдавить внутрь четыре сантиметра закаленной двухромоникелевой стали, оно не повредит нам. Если мой расчет ошибочен — ну что же, вы говорите, что у вас нет близких... Мы умрем за великое дело. Конечно, если вы предпочитаете уклониться, я могу отправиться один.

Мне показалось это самым сумасшедшим из всех мыслимых проектов, но вы знаете, как трудно отказаться от вызова. Я решил выиграть время для решения.

— Как глубоко вы намерены опуститься, сэр? — спросил я.

Над столом доктора была приколотая карта; он укрепил конец циркуля в точке к юго-западу от Канарских островов.

— В прошлом году я зондировал эти места, — сказал он. — Там есть очень глубокая впадина: инструменты показали высоту от морского дна до уровня моря семь тысяч шестьсот двадцать метров. Я первый сообщил об этой впадине. Надеюсь, что вы найдете ее на картах будущего под названием «Маракотова бездна».

— Но, сэр, — воскликнул я, — и наш спускной канат и трубки для воздуха не длиннее километра!

— Я хотел объяснить вам, — сказал Маракот, — что вокруг этой глубокой впадины, которая несомненно была образована вулканическими силами, должен находиться приподнятый хребет или узкое плато, которое лежит на глубине шестисот метров под поверхностью океана.

¹ У млекопитающих в ухе различают три отдела: внешнее ухо, состоящее из ушной раковины и наружного слухового прохода, среднее ухо, или барабанная полость, и внутреннее ухо, или лабиринт, с так называемыми полукружными каналами и улиткой. Внутреннее ухо содержит в себе окончания слухового нерва.

— Шестисот метров? — воскликнул я.

— Да, приблизительно. Нас спустят в маленькой наблюдательной кабине на эту подводную мель. Там мы сделаем всевозможные наблюдения. С судном нас будет соединять телефон, и мы сможем передавать наши приказания. С этим не будет никаких затруднений.

— А воздух?

— Будет накачиваться к нам вниз.

— Но ведь там будет совершенно темно!

— Боюсь, что так. Опыты ученых на Женевском озере доказывают, что на такую глубину не проникают даже ультрафиолетовые лучи. Но разве это важно? Мы будем снабжены мощным электрическим током от судовых машин, дополненным шестью двухвольтовыми сухими элементами, соединенными между собой последовательно. Этого достаточно вместе с сигнальной лампой военного образца, имеющей подвижной рефлектор. Есть еще другие затруднения...

— А если наши воздушные трубки запутаются?

— Не запутаются! Мы имеем прозапас сжатый воздух, которого нам хватит на двадцать четыре часа... Ну что же, удовлетворяют вас мои пояснения? Согласны вы? — спросил Маракот.

Решение предстояло нелегкое. Ум человеческий работает быстро, а воображение еще быстрее. Я уже явственно представлял себе этот черный ящик, опущенный в первобытные глубины, чувствовал спертый выдыхаемый и снова вдыхаемый воздух, видел гнущиеся стены кабины, которые разрывает в местах скрепления давление воды, струящейся во всё расширяющиеся щели и трещины. Мне предстояло умереть медленной, ужасной смертью! Но я поднял глаза: огненный взор старика был устремлен на меня с воодушевлением мученика науки. Энтузиазм заразителен, и если это безумие, то, по крайней мере, благородное и бескорыстное. Я вскочил и протянул Маракоту руку:

— Доктор, я с вами до конца!

— Я так и знал, — ответил он. — Я вас выбрал не за ваши поверхностные научные знания, мой молодой друг, — улыбаясь, добавил он, — и не за ваше близкое знакомство с крабами. Есть другие качества, которые я ценю: это верность и мужество.

Поймав меня, таким образом, «на кусок сахара», он закончил беседу...

Сейчас отвалит последняя береговая шлюпка. Спрашивают, нет ли почты. Вы либо не услышите обо мне больше ничего, мой дорогой Тальбот, либо получите письмо, стоящее того, чтобы его прочитать. Если ничего не услышите, можете зафрахтовать пловучий надгробный памятник и прикрепить его на якорь где-нибудь южнее Канарских островов с надписью:

«Здесь или где-либо поблизости покоится все, что оставили рыбы от моего друга Кируса Дж. Хедли».

Второй документ — неразборчивая радиограмма, которую уловили разные суда, в том числе и почтовый пароход «Арройя». Радиограмма была принята в три часа дня 3 октября 1926 года — ясно, что она была отправлена всего через два дня после отплытия «Стратфорда» с Гран-Канарии. Данные эти приблизительно совпадают с тем временем, когда норвежское судно видело гибнущую яхту в двухстах милях к юго-западу от Порта де-ла-Лус.

Радиограмма гласила:

Лежим на боку. Положение, видимо, безнадежное. Потеряли только что Маракота, Хедли, Сканлэна. Местоположение непонятно... Носовой платок Хедли... на конце глубоководного лота... Спаси нас бог...

Яхта «Стратфорд»

Это было последнее непонятное сообщение, дошедшее со злополучного судна, и конец его был такой странный, что его сочли бредом радиста. Тем не менее оно, казалось, не оставляло сомнений относительно судьбы судна.

Третий документ — запись в вахтенном журнале судна «Арабелла Ноулес», направлявшегося с грузом угля из Кардифа в Буэнос-Айрес,

Среда, 5 января 1927 года. Широта $27^{\circ}14'$, западная долгота 28° . Спокойная погода. Море — как стекло. Во вторую склянку средней вахты первый помощник доложил, что видел сверкающий предмет, который выпрыгнул из моря, высоко поднялся в воздух и затем упал обратно. Меня вызвали, и я увидел шар величиной с футбольный мяч, ярко сверкавший почти в полумиле от нашего судна. Я застопорил машины и послал бот со вторым помощником, который подобрал эту вещь и доставил ее на борт.

При рассмотрении оказалось, что это шар, сделанный из какого-то странного гибкого стекла и наполненный столь легким газом, что когда его подбрасывали в воздух, он парил, как детский воздушный шар. Он был почти прозрачен, и мы могли разглядеть внутри его что-то вроде свертка бумаги. Материал шара был такой твердый, что мы встретились с величайшими затруднениями при наших попытках разбить его и добраться до бумаги.

Молоток не брал шара, и только когда старший машинист положил шар под машину, он разбился и, к сожалению, разлетелся в искрящуюся пыль, так что не было возможности собрать куски. Однако мы достали бумагу и, рассмотрев ее, заключили, что она имеет большое значение.

Это все, что мы знаем о том, как дошло до нас повествование Кируса Дж. Хедли, которое мы сейчас приведем без малейших искажений.

**
*

Кому я пишу? Смело могу сказать. «всему миру», но так как это адрес весьма неточный, то укажу определеннее: моему другу сэру Джемсу Тальботу из Оксфордского университета, хотя бы потому, что мое последнее письмо было адресовано ему, а это послание можно рассматривать как продолжение письма. Я готов к тому, что шар имеет один шанс из тысячи попасться на глаза человеку среди бесконечных водных пространств; но все же попробовать стоит.

Если кто-нибудь захочет узнать, как все это началось и что мы собирались сделать, он сможет найти все эти

сведения в письме, которое я писал Тальботу 1 октября прошлого года, в день нашего ухода из Порта де-ла-Лус. Клянусь, знай я наперед, что нам придется пережить, я бы спрятался в последнюю отходящую лодку.

С той минуты, как линия берега растаяла в синеве моря, старик Маракот преобразился. Сухой, рассеянный ворчун-ученый внезапно исчез, уступив место какому-то воплощению мощной динамомшины, пышущей энергией и потрескивающей от напора громадной скрытой силы. Его глаза сверкали из-за стекол очков, как прожекторы. Он, казалось, сразу бывал везде и всюду, отмечая наше направление на карте, препираясь с капитаном, командуя Билем Сканлэном и давая мне множество разных поручений.

— Ну, мистер Хедли, дело идет на лад! — сказал Биль на следующее утро. — Пойдем ко мне взглянуть на эту диковинную штуку. Доктор оказался великолепным парнем и механиком первого сорта.

Мне казалось, что я осматриваю собственный гроб, но должен сознаться, что он был весьма внушителен. Стальной пол был накрепко приклепан к четырем стальным стенкам; в каждой из них было по круглому окну — иллюминатору. В крыше находился небольшой входной трап, второй трап был в полу. Кабина висела на тонком, но необычайно крепком стальном канате, который наворачивался на барабан и сматывался или наматывался сильным двигателем, обычно приводившим в действие глубоководные тралы «Стратфорда». Насколько я понял, канат имел около километра длины, и конец его был закреплен на железных тумбах на палубе. Резиновые трубки для подачи воздуха были такой же длины; с ними вместе тянулись телефонный провод и изолированный кабель, подающий электроэнергию от судовых динамо к нашим прожекторам; кроме них, в стальной каюте стояли, на всякий случай, запасные аккумуляторы.

К вечеру остановили машины. Барометр показывал низкое давление, и густые черные тучи, застилавшие горизонт, предупреждали о приближении непогоды.

Вдали был виден барк под норвежским флагом, и мы рассмотрели, как он зарифлял паруса, готовясь к шторму. Но пока все еще было благополучно, и «Стратфорд» мягко покачивался на синих волнах океана, кое-где пенившихся белыми гребешками от свежего ветра.

Биль Сканлэн заглянул ко мне в лабораторию несколько более взволнованный, чем следовало при его спокойном темпераменте.

— Послушайте, мистер Хедли, — сказал он, — они опустили эту ловушку на самое дно трюма. Неужели хозяин хочет в ней спустаться?

— Правильно, Биль! И я с ним вместе.

— Так, так, значит теперь двое свихнулись. Но я буду себя чувствовать последним негодяем, если пушу вас одних.

— Да вам-то что там делать, Биль?

— Не меньше, чем вам, сэр! Меррибэнк послал меня сюда наблюдать за машиной, и если она опускается на дно моря, то и я должен опуститься с ней вместе. Где эта стальная мышеловка, там и Биль Сканлэн, и мне совершенно безразлично, сошли все с ума или нет.

Спорить с ним было бесполезно.

Итак, к нашему клубу самоубийц примкнул еще один кандидат, и мы стали ждать дальнейших распоряжений.

Вся ночь прошла в напряженной работе, и утром мы спустились в трюм, готовые к погружению. Стальная кабина была уже наполовину вставлена в вырез дна «Стратфорда», и мы один за другим спустились в нее через верхний трап, который закрыли за нами и завинтили наглухо, после того как капитан Хови с самой похоронной миной пожал нам руки на прощанье. Потом кабину спустили еще на несколько метров, герметически закрыли камеру и впустили воду, чтобы испытать нашу каюту в воде. Кабина выдержала испытание прекрасно — каждая часть оказалась точно пригнанной, и никакой течи не наблюдалось. Тогда раздвинулось днище, и мы повисли в океане под самым килем корабля.

Кабина действительно была очень удобна, и я восхищался продуманностью ее устройства. Электрическое освещение было пока выключено; субтропическое солнце, преломляясь в бутылочно-зеленой воде, бросало в иллюминаторы фантастический мягкий свет. Там и сям мелькали рыбы, как серебряные черточки на зеленом фоне. У стен кабины стояли диваны, над ними помещались циферблат глубиномера, термометр и другие инструменты. Под диванами находился ряд баллонов со сжатым воздухом — на случай, если испортятся проводящие воздух

трубки. Концы этих трубок уходили к потолку. На стенке висел телефонный аппарат.

Мы услышали печальный голос капитана:

— Вы готовы к погружению?

— У нас все в порядке, — нетерпеливо ответил профессор. — Опускайте медленно, и пусть кто-нибудь дежурит у телефона. Я буду сообщать о нашем положении. Когда мы достигнем дна, оставайтесь на месте, пока не получите распоряжений!

Он выкрикнул эти слова, как безумный. Это был величайший момент его жизни, плод взлелеянной им мечты. На одно мгновение у меня возникла мысль, что мы находимся во власти ловкого и удачливого маниака. Биль Скэнлэн, видимо, подумал то же; он посмотрел на меня с горестной усмешкой и дотронулся до своего лба.

Кабина медленно опускалась в глубины океана. Светлозеленая вода превратилась в темнооливковую и перешла в чудесную синеву, постепенно сменявшуюся темным пурпуром. Мы опускались все ниже и ниже: тридцать метров, шестьдесят, девяносто... Трубки действовали превосходно: дышалось свободно и легко, как на палубе корабля. Стрелка глубиномера медленно двигалась по светящемуся циферблату. Сто, сто десять, сто двадцать метров...

— Как вы себя чувствуете? — прорычал тревожный голос сверху.

— Лучше быть не может! — крикнул в ответ Маракот.

Но свет убывал. Теперь наступили тусклые, серые сумерки, которые быстро превратились в полный мрак.

— Остановите! — крикнул наш руководитель.

Мы перестали двигаться и повисли на глубине двухсот десяти метров ниже поверхности океана. Я услышал щелканье выключателя, и нас залил золотой свет, который выходил наружу сквозь боковые иллюминаторы и посылал длинные мерцающие лучи в окружающую нас водную пустыню. Прильнув к толстому стеклу каждый у своего иллюминатора, мы увидели зрелище, еще никем невиданное.

Океан оказался населенным гораздо плотнее, чем земля. Бродвей в субботу вечером, Ломбард-стрит перед праздничным днем не более оживлены, чем огромные морские пространства, расстилавшиеся перед нами. Мы уже прошли те верхние слои, где рыбы либо бесцветны, либо обладают настоящей морской окраской — ультрама-

Доктор Миранот заносил свои наблюдения в записную книжку.

риновой сверху и серебряной снизу. Здесь были создания всевозможных форм, какие только порождает жизнь моря: нежные лептоцефалы проносились сквозь тоннель света, как ленточки из серебра; изгибалась медленная змееобразная мурена — выюн морских глубин; черный морской еж, состоящий из колючек и рта, глупо глазел на нас. Порой подплывала каракатица и смотрела на нас человечески-зловещими глазами. Порой мелькала подобная цветку цистозома или глаукус. Иногда огромная конская макрель свирепо налетала на иллюминатор, но тут появлялась темная тень акулы, и макрель исчезала в ее раскрывшейся пасти.

Доктор Маракот сидел с записной книжкой на коленях, заносил в нее свои наблюдения и безостановочно бормотал.

— Что это? Что это? — слышал я. — Да, да, «химера мирабилис» Майкл Сарса. В самом деле, вон там лепидион, но, насколько я могу судить, новый вид. Заметьте этого макруруса, мистер Хедли: его окраска отличается от тех, которые попадают к нам в сети.

Один лишь раз он был застигнут врасплох: когда длинный овальный предмет быстро промелькнул мимо его окна и оставил позади себя вибрирующий, тянущийся, как нитка, след. Признаюсь, я так же был озадачен в этот момент, как и доктор. Разрешил эту загадку Биль Сканлэн.

— Понимаю! Это плут Джон Суинни опустил свой лот рядом с нами, быть может для того, чтобы напомнить нам, что мы не одни.

— Верно, верно! — сказал, улыбаясь, Маракот. — Новый род глубоководной фауны, мистер Хедли, с проволочным хвостом и свинцом на носу... Конечно, им необходимо производить промеры. Все идет хорошо, капитан! — крикнул он. — Продолжайте спуск!

Маракот выключил электрический свет, и все снова погрузилось в полную темноту, за исключением фосфоресцирующего циферблата глубиномера, который отмечал продолжавшееся погружение. Чувствовалось только легкое покачивание, и лишь движущаяся по циферблату стрелка сигнализировала о нашем погружении.

Теперь мы были на глубине трехсот метров, и воздух в кабине стал спертым. Сканлэн открыл кран вытяжной трубки, и стало легче дышать. На четырехстах пятидесяти

метрах мы остановились и, раскачиваясь в середине океана, снова включили свет. Какая-то большая темная масса прошла мимо нас, но мы не могли определить, была ли это рыба-меч, или глубоководная акула, или же какое-нибудь чудовище неизвестной породы. Доктор быстро выключил свет.

— В этом главная опасность! — сказал он. — В глубине водятся такие создания, нападение которых эта бронированная комната имеет столько же шансов выдержать, сколько пчелиный улей — натиск носорога.

— Может быть, это киты? — спросил Скэнлэн.

— Киты могут забираться на большую глубину, — ответил ученый. — Об одном гренландском ките известно, что он утонул вниз около мили каната. Но пока кит не ранен или сильно не напуган, он никогда не уйдет так глубоко. Это могла быть гигантская каракатица — они встречаются на всякой глубине.

— Однако я думаю, что каракатица слишком мягка чтобы повредить нам. Было бы смешно, если бы она ухитрилась сделать дыру в двухромоникелевой стали Меррибэнка.

— Тела их мягки, — ответил профессор, — но клюв большой каракатицы может продолбить довольно твердый материал. Думаю, что удар этого клюва может просверлить иллюминаторы толщиной в три сантиметра с такой легкостью, словно они сделаны из пергамента.

— Веселенькое дельце! — воскликнул Биль.

Наконец мы почувствовали, что остановились. Толчок был таким легким, едва заметным, что мы узнали об остановке, лишь включив свет и увидав вокруг кабины свернувшиеся кольца каната. Они представляли опасность для наших воздушных трубок, так как могли их запутать, и после приказа Маракота канат подтянули вверх. Циферблат отметил пятьсот сорок метров. Мы неподвижно лежали на вулканическом хребте на дне Атлантики.

В то время, мне кажется, мы все чувствовали одно и то же. Не хотелось ни двигаться, ни наблюдать. Одно стремление охватило нас: спокойно посидеть и постараться осмыслить происходящее. Мы ведь находились в самом сердце одного из величайших океанов мира. Но скоро странные видения вокруг кабины снова привлекли нас к иллюминаторам.

Кабина опустилась на густые заросли *Cutleria multifida*, как определил Маракот. Желтые плети этих водорослей покачивались вокруг нас, колеблемые неведомым глубоко-водным течением, совсем как ветви деревьев под ветром. Они были не настолько длинны, чтобы закрыть окружающий вид, и огромные листья их цвета темного золота, колыхаясь, проплывали несколько ниже окон кабины. Под водорослями можно было различить темную вязкую массу грунта, так густо усеянного маленькими разноцветными существами — голотуриями, осундиями, ежами, как весной заливные луга в Англии усеяны подснежниками и гиацинтами. Эти живые цветы морских глубин — то ярко-красные, то темнопурпурные, то нежно-розовые — сплошь устилали угольно-черную почву. Там и сям гигантские губки вырастали из выступов подводных скал и редкие рыбы мелькали, как разноцветные искорки, в лучах наших прожекторов.

Как зачарованные, смотрели мы на это феерическое зрелище, когда по телефону донесся встревоженный голос:

— Ну, как вы себя чувствуете на дне? Все ли благополучно? Не оставайтесь слишком долго! Барометр падает, и это мне не нравится. Достаточно вам воздуха? Нужно ли вам что-нибудь?

— Все в порядке, капитан! — весело откликнулся Маракот. — Мы не задержимся. Снабжаете вы нас всем чудесно. Комфортабельно, как в каюте. Распорядитесь потихоньку двигать нас вперед.

Мы вступили в область светящихся рыб, и нас забавляло, потушив свет, в абсолютной темноте, при которой даже светочувствительная пластинка могла бы висеть часами, не запечатлев ни малейшего лучика, наблюдать жизнь фосфоресцирующих обитателей океана. Точно перед черной бархатной завесой, медленно проплывали блестящие искорки, как ночью пассажирские пароходы, льющие потоки света через ряды иллюминаторов. У некоторых животных были светящиеся зубы, ярко горевшие в окружающем мраке, у других — длинные золотистые усы, у третьих язычок пламени качался над головой. Повсюду мерцали блестящие точки, и каждое животное спешило по своим делам и светилось по-своему — точь-в-точь ночные таксомотеры перед театрами на Стрэнде!

Потом мы зажгли свет, и доктор стал производить наблюдения над морским дном.

— Несмотря на всю глубину, мы все же забрались недостаточно глубоко, чтобы увидеть характерные породы низших слоев океана, — говорил он. — Но это не по нашей вине. Может быть, в другой раз, с более длинным канатом...

— Типун вам на язык! — воскликнул Биль. — Бросьте и думать об этом!

Маракот улыбнулся.

— Ну, вы скоро привыкнете к этим глубинам, Сканлэн. Ведь этот спуск не последний...

— Чорт знает что! — возмутился Биль.

— Да, привыкнете, и это вам покажется не опаснее, чем спуститься в трюм «Стратфорда». Вы видите, мистер Хедли, что данная почва, насколько мы можем ее рассмотреть сквозь плотный слой животных и губок, не что иное, как застывшая лава, что указывает на древнейшее вулканическое происхождение этого плато. Очевидно, мы находимся над вершиной архаического вулкана, а «Маракотова бездна», — он подчеркнул название, — не что иное, как кратер вулкана. Мне пришло в голову — и это будет весьма любопытно! — медленно двигать нашу кабину, пока мы не доберемся до края «бездны» и не изучим как следует формацию этих мест. Я надеюсь увидеть обрыв невероятной глубины, уходящий глубоко вниз.

Этот опыт казался мне опасным, но канат блестяще выдерживал нашу тяжесть, и с постепенно возрастающей скоростью мы стали скользить по дну океана. Маракот с компасом в руке отдавал по телефону распоряжения переменить направление или подтянуть кабину повыше, чтобы перескочить через подводные препятствия.

— Базальтовое кольцо вряд ли больше двух километров в ширину, — объяснил он. — По моим соображениям, пропасть расположена западнее того места, где мы опустились. А если так, то мы очень скоро доползем до нее...

Мы беспрепятственно скользили над вулканическим плато, поросшим золотыми водорослями и сверкавшим тысячами фантастических красок.

Вдруг доктор схватил трубку телефона.

— Стоп! — закричал он. — Мы теперь на месте!

Внезапно перед нами раскрылась чудовищная пропасть. Жуткое место, страшное зрелище! Блестящие черные грани базальта круто спускались вниз, в неизвестное. Края пропасти поросли мохнатыми водорослями, свисающими, как папоротник над краем обрыва где-нибудь на поверхности земли. За этим колеблющимся, точно живым бордюром были гладкие блестящие стены провала. Даже наши сильные прожекторы не могли одолеть мрака бездны. Мы зажгли мощный сигнальный фонарь и направили вниз сильный сноп параллельных лучей. Они падали в бездну все ниже и ниже, не встречая препятствий, пока не затерялись в непроглядном мраке.

— Это поистине поразительно! — воскликнул Маракот, и на его худом лице появилось довольное выражение. — Нечего и думать, что таких пропастей на дне океана много. «Маракотова бездна» совершенно исключительна как по крутизне спуска, так и по узости диаметра! Неудивительно, что она укрылась от наблюдений гидрографических экспедиций и...

Он замер на полуслове, и на его лице застыло выражение любопытства и удивления. Мы с Билем, бросившись к иллюминатору, окаменели при виде поразительного зрелища.

Какое-то крупное животное поднималось к нам по световому тоннелю из глубины. Оно было еще далеко и освещено слабо, и мы едва могли различить огромное черное тело, медленными хищными движениями поднимавшееся все выше и выше. Карабкаясь каким-то непонятным образом, оно ползло уже по краю пропасти. Вот оно приблизилось, и в более ярком свете мы смогли яснее рассмотреть чудовище: это была помесь чудовищного краба с гигантским раком; две огромные клешни торчали у него по бокам, и пара тяжелых громадных усов вибрировала над черными круглыми злыми глазами навывкате. Панцырь светложелтого цвета имел в окружности метра три, а в длину чудовище, не считая усов, было не меньше десяти метров!

— Поразительно! — воскликнул Маракот, лихорадочно царапая в записной книжке. — Глаза на подвижных члениках, эластичные суставы, род *Crustaceae*, вид неизвестен. *Crustaceus Maracoti* — почему бы и не так, а?

— Чорт с ним, с его именем! Ей-ей, оно лезет пряме-

хонько на нас! — закричал Биль. — Слушайте, док¹, а не лучше ли нам выключить свет?

— Один момент! Один момент! Только набросаю его очертания! — воскликнул натуралист. — Да, да, теперь можно.

Щелкнул выключатель, и снова мы очутились в непроглядной темноте, прорезываемой фосфоресцирующими точками, пролетавшими, как метеоры в безлунную ночь.

— Это самая скверная скотина в мире! — проворчал Биль, вытирая пот со лба.

— Действительно, у него страшный вид, — заметил Маракот, — но еще страшнее иметь с ним дело и испытать силу его клешней. Однако в стальной кабине мы в полной безопасности и можем наблюдать его в свое удовольствие...

Только что он произнес эти слова, как раздался точно удар тарана по внешней стороне кабины. Потом царапанье, скрежет и новый удар...

— Слушайте, ему хочется к нам! — в ужасе закричал Биль. — Нет, право, надо было написать на дверях: «Вход посторонним воспрещается!»

Он старался шутить, но дрожащий голос выдавал его волнение. Сознаюсь, что и у меня поджилки затряслись, когда я убедился, что чудовище ощупывает нашу кабину, размышляя, что это за странная раковина и найдется ли в ней пища, если ее раздавить.

— Он не может нам повредить, — сказал Маракот, но в голосе его не чувствовалось уверенности. — Может быть, лучше избавиться от него?

И он крикнул в телефонную трубку капитану:

— Поднимите нас на десять-пятнадцать метров!

Через несколько минут мы поднялись над равниной из лавы и закачались в воде. Но дьявольский рак не отставал. Вскоре мы снова услышали царапанье и постукивание клешней, которыми он продолжал ощупывать кабину. Жутко было сидеть в темноте и чувствовать смерть в двух шагах от себя. Выдержит ли стекло, если по нему стукнет страшная клешня? Этот вопрос волновал каждого из нас.

Но вскоре появилась новая опасность. Стук послышался уже на крыше, и мы почувствовали легкое покачивание.

¹ Док — сокращенное «доктор».

— Доктор, — крикнул я в полном отчаянии, — он задел за канат! Он оборвет его!

— Слушайте, док, дует наверх! Довольно мы рассмотрелись всего, и Биллу Сканлэну определенно хочется домой. Позвоните мальчику, пусть поднимет лифт.

— Но мы и половины не исследовали, — прокаркал Маракот. — Мы только еще начали обследовать края пропасти. Измерим хотя бы ее ширину. Когда мы доберемся до противоположного края, я согласен вернуться на поверхность. — И фанатик крикнул в трубку: — Все в порядке, капитан! Двигайтесь со скоростью двух узлов, пока я не скажу «стоп».

Мы медленно двинулись над краем бездны. Так как темнота не спасла нас от нападения, мы включили свет. Одно окно было совершенно закрыто брюхом чудовища. Голова и огромные клешни работали на крыше, и удары по кабине звучали, как погребальный колокол. Чудовище обладало невероятной силой.

Никогда еще смертному не приходилось быть в таком положении: километры воды внизу — и злобное чудовище сверху!

Скрежет и удары становились все сильнее, и вот мы почувствовали, что чудовище дергает канат! Трубка принесла испуганный крик капитана, а Маракот вскочил, в отчаянии всплеснув руками. Даже внутри кабины мы слышали скрежет перетираемого каната, звон и свист рвущейся проволоки. Через мгновение мы стали падать в бездонную пропасть.

У меня до сих пор в ушах звенит дикий вопль Маракота:

— Канат оборван! Мы пропали! Все погибло! — Потом, схватив телефонную трубку, он отчаянно крикнул: — Прощайте, капитан! Прощайте навсегда...

Мы не сразу упали вниз, как нам казалось сперва. Несмотря на солидный вес, наполненная воздухом кабина до некоторой степени создавала неустойчивое равновесие, и мы опускались в пропасть довольно медленно. Я слышал протяжный скрип, когда кабина выскользнула из страшных объятий чудовища; затем кабина, медленно вращаясь, широкими кругами стала опускаться все ниже и ниже. Прошло, наверное, не больше пяти минут, но нам они показались часом, пока не натянулась и не лопнула с тихим

стоном, как струна, проволока телефона. В ту же минуту лопнула и проводящая воздух трубка, и сквозь отверстие стала по каплям пробиваться соленая вода. Опытные, проворные руки Билия Сканлэна мигом перетянули конец резиновой трубки узлами, и вода перестала течь. В то же время доктор отвинтил пробку у баллона с сжатым воздухом, который стал выходить с легким свистом. Затем лопнул провод и мгновенно потух свет, но доктор в темноте добрался до аккумуляторов, и на потолке вспыхнул ряд лампочек.

— Света нам хватит на неделю, — проговорил Маракот с кривой усмешкой. — Во всяком случае, мы умрем при свете...

Потом он с досадой покачал головой, и неожиданная улыбка озарила его сухие черты.

— Мне, собственно, все равно. Я - старик, довольно пожил, и моя роль в мире сыграна. Единственно, о чем я сожалею, что вовлек двух молодых людей в это опасное предприятие. Я должен был рисковать один.

Я горячо пожал ему руку, не в силах произнести ни слова. Биль Сканлэн тоже молчал.

Случайно взглянув на глубиномер, я увидел, что мы опустились уже на глубину тысячи шестисот метров.

— Видите, все выходит так, как я предсказывал, — заметил Маракот с мрачным удовлетворением. — Не мешало бы вам ознакомиться с моим докладом Океанографическому обществу об изменении давления при погружении на разную глубину. Как бы мне хотелось написать хоть несколько строк туда, наверх, чтобы пристыдить Бюлова из Гессена, который осмелился возражать по моему докладу!

— Чорт подери! Будь у меня такая возможность, я бы не стал тратить силы на споры с этим тупоумным ослом! — воскликнул механик. — В Филадельфии живет одна крошка, которая всплакнет, узнав, что никогда больше не увидит Билия Сканлэна.

— Да, мы никогда не вернемся, — сказал я, пожав ему руку.

— Что же, — передернул он плечами, — я исполнял свой долг!

Мы помолчали.

— Долго ли еще? — спросил я доктора.

— У нас еще будет время осмотреть дно бездны, —

ответил он тихо. — Воздуха в баллоне хватит на несколько часов. Опасность в другом — в продуктах выдыхания. Они задушат нас. Если бы мы смогли выпускать углекислоту!

— Это, повидимому, невозможно.

— У нас есть баллон кислорода — я захватил его на случай катастрофы. Вдыхая его время от времени, мы как-нибудь продержимся еще... Взгляните на глубиномер, мы опустились уже больше чем на три километра.

— Да стоит ли бороться за жизнь? Чем скорее наступит конец, тем лучше, — заметил я.

— Это верно! — подтвердил Сканлэн. — Раз, два — и готово!

— И отказаться от поразительного зрелища, которого еще никогда не наблюдал глаз человека?! — завопил Маракот. — Это предательство по отношению к науке! Будем наблюдать факты, пока сможем, — пусть даже эти знания погибнут вместе с нами. Надо играть до конца, если уж начали.

— Да вы спортсмен, док! — захохотал Сканлэн. — А в общем, это правильно! Играть, так до последнего грошика!

Мы уселись втроем на диван, вцепившись в ручки; кабина, колыхаясь и поворачиваясь, опускалась, и рыбы мелькали мимо иллюминаторов...

— Уже пять километров! — заметил Маракот. — Я выпущу немного кислорода, мистер Хедли... Становится очень душно. Забавная вещь! — сухо ухмыльнулся он. — Действительно, теперь эта бездна имеет право называться «Маракотовой». Когда капитан Хови привезет эту новость, мои коллеги позаботятся, чтобы бездна Маракота стала не только моей могилой, но и моим нерукотворным памятником. Даже Бюлов из Гессена...

И он стал бормотать что-то о невероятной косности ученых.

Кабина все погружалась, вращаясь и описывая круги. Циферблат глубиномера показывал семь тысяч шестьсот метров.

— Мы приближаемся к концу путешествия, — сказал Маракот. — Глубиномер Скотта в прошлом году показал восемь тысяч сто сорок пять метров в самом глубоком месте. Через несколько минут мы узнаем, что нас ждет. Может быть, кабина разлетится от удара. Может быть...

В эту минуту мы «причалили».

Ни одна любящая мать не опускала своего первенца на пуховую перинку так бережно, как вода положила нашу кабину на дно Атлантического океана. Оно было покрыто толстым эластичным слоем мягкого ила, который сыграл роль идеального буфера и спас нас от гибели. Мы боялись шевельнуться на диване — кабина опустилась краем на выступ скалы, покрытый вязким илом, и мы покачивались в косом положении, с трудом сохраняя равновесие и ежеминутно рискуя перевернуться. Но через некоторое время покачивание ослабло, кабина крепче утвердилась и застыла неподвижно.

В этот момент доктор Маракот, пристально смотревший в окно, удивленно вскрикнул и выключил свет.

Каково же было наше изумление, когда оказалось, что и без электричества мы могли видеть все довольно отчетливо! Тусклый рассеянный свет вливался через иллюминаторы в кабину, как холодное сияние морозного утра.

— А почему бы и нет? — воскликнул Маракот после минутного молчания. — Разве я не должен был предвидеть эту возможность? Из чего состоит этот ил? Разве это не продукт разложения биллионов микроорганизмов? И разве разложение не сопровождается фосфорическим свечением? Да где же во всем мире и наблюдать такое свечение, как не здесь! Ах, какая досада, что мы видим такие изумительные вещи и не можем поделиться нашими наблюдениями со всем миром!..

— Но позвольте, — возразил я, — при тралении мы не вытащили ни грамма фосфоресцирующего ила и никогда не замечали подобного свечения.

— Ну да, ил, очевидно, теряет способность фосфоресцировать, пока его поднимали на поверхность. Да и что такое грамм, даже тонна ила по сравнению с этими безграничными равнинами? И смотрите, смотрите! — вдруг возбужденно закричал он. — Глубоководные существа пасутся на этом органическом ковре, как земные стада на лугу!

Стадо крупных черных рыб, толстых и неуклюжих, проплывало над самым дном, то и дело поклевывая что-то. Потом появилось еще одно неуклюжее существо, похожее на морскую корову; оно меланхолично пережевывало пишу перед моим окном. Другие медленно плавали, иногда

посматривая на странный предмет, так неожиданно появившийся среди них.

Я мог только удивляться Маракоту, который в этой мрачной обстановке, когда слышалось уже дыхание смерти, повиновался зову науки и лихорадочно записывал наблюдения. Дно океана состоит из красной глины, но здесь поверх нее лежал слой серой глубоководной слизи, образовавший долину с волнистыми очертаниями. Долина не была совершенно ровной, ее пересекали странные круглые холмики вроде того, на который мы сели, светившиеся всеми цветами радуги. Между холмиками плавали стада причудливых рыб, большей частью неизвестных науке; они были окрашены во все цвета, с преобладанием черного и красного. Маракот с волнением рассматривал их и опять судорожно записывал что-то.

Воздух в кабине стал очень тяжелым, и снова мы спаслись благодаря вдыханию кислорода. Странно, что мы все чувствовали свирепый, прямо волчий голод и с жадностью набросились на консервированное мясо, хлеб с маслом и виски с водой, предусмотрительно захваченные Маракотом.

Немного подкрепившись и освежившись, я уселся удобнее у иллюминатора и стал мечтать о последней папиресе. Вдруг я увидел нечто, поднявшее у меня в голове яростный вихрь странных мыслей и предположений.

Я уже упомянул, что волнистая серая долина была вся испещрена маленькими холмиками. Один, более крупный, высился перед моим окном метрах в десяти. На нем были какие-то странные знаки. Присмотревшись к другим холмикам, я с изумлением заметил, что эти знаки повторялись и на них, уходя в тусклую мглу.

Будучи на шаг от смерти, не так-то легко поддаться какому-нибудь впечатлению, но у меня замерло дыхание и сердце на момент застыло, когда я догадался, что эти знаки, так ясно вырисовывавшиеся из-под слоя слизи, были орнаментом, несомненно высеченным рукой человека!

Маракот и Сканлэн пододвинулись к иллюминатору и с изумлением смотрели на мое удивительное открытие.

— Ей-ей, это лепка! — воскликнул Сканлэн. — Верьте слову, эта площадка была когда-то крышей здания! Да и все эти холмики тоже были домами. Слушайте, хозяин, ведь мы без пересадки приехали в подводный город!

— В самом деле, это древний город, — ответил Мара-

кот. — Геологи утверждают, что некогда моря были материками, а на месте материков были моря, но я всегда отрицал теорию, что в столь недавние сравнительно времена, как четвертичный период, в Атлантике могли быть какие-нибудь серьезные катастрофы.

— Эти холмики довольно правильно расположены, — заметил я. — Я начинаю думать, что это не отдельные дома, а купола крыши одного крупного здания.

— Непрерывное оседание морских отложений закрыло его до самой кровли, — сказал Маракот. — Но само здание, вероятно, не разрушено. На большой глубине мы наблюдаем постоянную, устойчивую температуру, и она препятствует процессу разрушения. Даже разложение глубоководных органических осадков, устилающих дно океана и освещающих его, видимо происходит очень медленно. Но, послушайте, это же вовсе не скульптурные украшения, а надписи!

Без сомнения, он был прав. Одни и те же знаки виднелись в разных местах. Бесспорно, это были буквы какого-то древнего алфавита.

— Я изучал финикийские памятники письменности, и там встречаются очень похожие начертания, — продолжал доктор. — Ну, друзья мои, мы с вами увидели погребенный античный город! Нам повезло — мы выбрали удивительное место для могилы. Больше нам изучать нечего, наша книга знания прочитана до конца. Я согласен с вами: чем скорее наступит конец, тем лучше!

Да и в самом деле, жить оставалось недолго: воздух был насыщен углекислотой. Встав на диван, еще можно было дышать, но отравленная зона поднималась все выше и выше. Доктор Маракот безнадежно сложил руки и опустил голову на грудь. Сканлэн, отравленный углекислотой, вдруг сполз на пол. У меня кружилась голова, и грудь точно налилась свинцом. Я закрыл глаза, теряя сознание, но мне захотелось в последний раз увидеть то, что я покидал навсегда... Приоткрыв веки, я вскочил с хриплым криком изумления.

Через иллюминатор на нас смотрели глаза человека.

Бред! Кошмар! Я вцепился в плечо Маракота и начал трясти его изо всех сил. Доктор очнулся, выпрямился и безмолвно впился широко раскрытыми глазами в иллюминатор. Тут я убедился, что это не галлюцинация.

Передо мной было длинное, узкое смуглое лицо с тонкими чертами, острой бородкой клинышком и живыми глазами. Человек пристально и с интересом осматривал внутренность кабины; на лице его написано было крайнее изумление. Наша кабина должна была представляться ему камерой смерти, где один человек лежал без чувств, а двое других глядели в окно с искаженными лицами людей, умирающих от удушья. Человек махнул нам рукой и исчез.

— Он бросил нас! — воскликнул Маракот.

— Или, пошел за помощью. Поднимем Сканлэна. Он умрет, если останется на полу.

Мы втащили механика на диван и приложили к его рту трубку от баллона с кислородом. У Сканлэна посерело лицо, он что-то бормотал в забытьи, но пульс еще бился, хотя и медленно.

— Еще есть надежда... — прохрипел я.

— Но это же безумие! — крикнул Маракот. — Разве могут жить люди на дне океана? Как они могут дышать? Это коллективная галлюцинация! Мой друг, мы сошли с ума!

Взглянув на серый, безнадежный ландшафт за окном, я ясно понял, что Маракот прав.

Однако через несколько минут мне почудилось движение за окном. Где-то вдали появились туманные тени; они приближались и превращались в движущиеся фигуры. Толпа людей спешила к нам по дну океана.

Через минуту они собрались перед окном, махали руками и жестикулировали, оживленно о чем-то споря. Человек с черной бородой, видимо, был предводителем или начальником. Он быстро осмотрел нашу стальную скорлупу и благодаря наклону кабины заметил, что в полу имеется трап. Услав куда-то одного из своих людей, предводитель стал энергично жестикулировать, приказывая нам открыть трап изнутри.

— Почему бы и не открыть? — спросил я. — Не все ли равно — утонуть или задохнуться? Я больше этого не выдержу.

— Мы можем и не утонуть, — ответил Маракот. — Вода, входящая снизу, встретит сопротивление воздуха и дальше определенной высоты не пойдет. Дайте Сканлэну глоток водки. Пусть сделает последнее усилие и выпьет.

Я влил в горло механика водку. Он судорожно глотнул

Через иллюминатор на нас смотрели глаза человека.

и посмотрел вокруг удивленным взором. Мы поставили беднягу на диван и, став по обе стороны, держали его. Когда Сканлэн совсем пришел в себя, я объяснил ему положение в двух словах.

— Если вода дойдет до батарей, возможно отравление хлором, — сказал Маракот. — Надо дать кислороду вытекать свободно. Чем больше будет давление, тем меньше войдет воды. Так. Теперь помогите мне поднять трап.

Мы медленно отвинтили круглую крышку в полу нашего жилища. Мне казалось, что мы совершаем самоубийство. Зеленоватая вода, шипя и сверкая под лучами ламп, потоками ворвалась в кабину. Она быстро залила пол, дошла нам до колен, до груди и тут остановилась — давление воздуха она не могла преодолеть. У меня кружилась голова и в ушах шумело. В такой атмосфере мы не могли оставаться долго. Только ухватившись за провода, мы удерживались от падения.

Взобравшись на диван, мы уже не могли смотреть в окна и, следовательно, знать, какие меры подводные люди принимают для нашего освобождения. Вдруг нам показалось, что предводитель смотрит на нас через круглое отверстие внизу, сквозь воду, а через мгновение он прошел через трап, поднялся на диван и стал рядом с нами — низенький, коренастый, плотный, не выше моего плеча. Его большие карие глаза осматривали нас, и в них светилось ободрение, точно он хотел сказать: «Бедняги, вы думаете, что все кончено, а я отлично знаю, как отсюда выбраться».

Теперь только я убедился в очень странном обстоятельстве: человек — если только он принадлежал к тому же разряду живых существ, что и мы — носил прозрачную одежду, которая обволакивала все его тело, оставляя свободными руки и ноги. Одежда была так удивительно прозрачна, что издали положительно была невидима; она блестела, как серебро, оставаясь в то же время идеально прозрачной. Таким же был и колпак, закрывавший голову подводного жителя. На плечах у него были странные наплечники с отверстиями и завязками, плотно облегающими грудь. Наплечники имели вид маленьких продолговатых ящичков с многочисленными дырочками.

Когда новый друг присоединился к нам, другой человек появился в отверстии пола и протиснул в него нечто вроде большого стеклянного шара, потом другой и третий. Шары быстро поднялись вверх и поплыли по поверхности.

Затем таким же путем нам были переданы шесть маленьких ящичков. Наш новый знакомый привязал нам на плечи по два ящичка, совсем таких же, как у него. Я начал понимать, что здесь нет ничего сверхъестественного, ничего противоречащего законам природы: один из ящичков был, несомненно, источником свежего воздуха, другой — поглотителем отработанных продуктов дыхания.

Незнакомец натянул нам на головы прозрачные колпаки, охватил нам плечи и грудь эластичными завязками, не позволявшими воде проникать внутрь. Дыхание под колпаком было совершенно свободно, и я с радостью увидел, что у Маракота бодро заблестели глаза из-под очков, а широкая улыбка Биля Скэнлэна показала мне, что животворящий кислород делал свое дело.

Наш спаситель оглядел нас с улыбкой удовлетворения, затем махнул рукой, приглашая следовать за ним через трап в полу на дно океана. Дюжина дружеских рук протянулась к нам, чтобы помочь выйти и направить наши первые неуверенные шаги по вязкому глубокому илу.

Куда девалось ужасающее давление, смущавшее стольких исследователей! Оно мешало нам не больше, чем рыбам, плавающим вокруг. Хотя наши головы и тела были надежно защищены тонкими прозрачными колоколами, упругими, но крепкими, как броневая сталь, руки и ноги, оставшиеся свободными, чувствовали лишь плотную среду воды и ничего больше. Было очень странно стоять в группе бородатых людей и смотреть на кабину, только что покинутую нами. Мы забыли выключить аккумуляторы: желтые снопы электрического света вырывались из круглых окон стальной кабины, и стада рыбок мелькали в лучах.

Предводитель взял Маракота за руку, и мы двинулись за ними сквозь плотную воду, тяжело ступая по скользкому дну.

Но тут случилось нечто, удивившее наших новых друзей не менее, чем нас самих. Над нашими головами появился небольшой темный предмет, быстро спускавшийся к нам из темноты; он лег на дно неподалеку от нас. Это был глубоководный лот со свинцовым грузом, спущенный со «Стратфорда».

Мы поняли, что наверху разгадали сущность случившейся трагедии. Свинцовый груз неподвижно лежал на дне, и капитан теперь имел точную глубину бездны. Рядом со мной тянулся вверх тонкий проволочный канатик

длиной в восемь километров, призрачно соединявший меня со «Стратфордом», со всем миром.

Ах, если б можно было написать записку и привязать к канатику! Абсурдная мысль... Но разве я не могу послать наверх какое-нибудь сообщение, которое покажет капитану, что мы живы, несмотря ни на что?

Верхняя часть моего тела была прикрыта прозрачным колпаком до пояса, но руки были свободны, и в кармане брюк у меня, по счастью, оказался носовой платок. Я быстро выхватил его и привязал к лоту. В тот же момент автоматический механизм отделил свинцовый груз, и я увидел, как клочок белой материи быстро понесся вверх — в тот мир, который я, вероятно, никогда больше не увижу...

Наши новые друзья внимательно обследовали тридцатикилограммовый груз свинца, очень заинтересовались, подняли его и понесли с собой.

Мы прошли не более сотни метров, пробираясь среди губок, и остановились перед небольшой квадратной дверью с тяжелыми колоннами по бокам. Дверь была открыта. Мы вошли в большую пустую комнату, и управляемая скрытым механизмом тяжелая каменная дверь немедленно захлопнулась.

Под своими колпаками мы, разумеется, ничего не могли слышать, но, постояв несколько минут, убедились, что пришел в действие какой-то огромный насос, потому что уровень воды вокруг нас стал быстро понижаться. Меньше чем через четверть часа мы стояли на влажном полу, выложенном каменными плитами, а новые друзья хлопотливо освобождали нас от ненужных теперь прозрачных колпаков.

Через минуту мы уже жадно вдыхали совершенно чистый воздух в теплой, хорошо освещенной комнате. Смуглые обитатели бездны толпились вокруг, пожимая нам руки, улыбаясь и дружески похлопывая нас по плечам. Они говорили на странном языке, мы не понимали ни одного слова, но улыбки на лицах и ласковые взгляды были понятны даже на глубине восьми километров под уровнем океана.

Повесив прозрачные колпаки на крючки по стенам комнаты, бородатые незнакомцы ласково подталкивали нас к внутренней двери, за которой открывался длинный каменный коридор. Когда и эта дверь автоматически захлоп-

нулась за нами, ничто больше не напоминало, что, в сущности, мы являемся невольными гостями неизвестного народа на дне Атлантического океана, навсегда оторванными от того мира, где родились, где жили...

Мы почти обессилели от избытка переживаний. Даже Биль Скандлэн, этот неутомимый силач, еле передвигал ноги, а мы с Маракотом положительно висели на руках наших проводников. И все же, несмотря на смертельную усталость, я отчетливо помню все подробности нашего путешествия.

Совершенно очевидно, что воздухом здание снабжала неведомая мощная машина, — свежие струи его вырывались ритмическими порывами из маленьких круглых отверстий в стенах. Рассеянный свет являлся, повидимому, излучением какого-то светящегося газа. Недаром, значит, внимание европейских инженеров привлекал этот вид освещения, не нуждающийся в проводке и лампах. Свет исходил из длинных цилиндров хрустально-прозрачного стекла, укрепленных вдоль стен коридора.

Вскоре мы вошли в обширную комнату вроде гостиной, застланную тяжелыми коврами и обставленную золочеными креслами и низкими диванчиками, напоминавшими отдаленно ту мебель, что находят в гробницах египетских фараонов. Группа провожатых разошлась, и остались лишь глава отряда и два его спутника.

— Мэнд! — повторил он несколько раз, ударяя себя в грудь.

Потом он стал указывать по очереди на нас и повторять наши имена: Маракот, Хедли и Скандлэн, пока не научился выговаривать их вполне правильно.

Усадив нас, Мэнд сделал знак одному из помощников, который вышел и скоро вернулся в сопровождении очень старого человека с седыми кудрями и длинной бородой, в забавной конической шапке из черного бархата. Я забыл сказать, что все эти люди были одеты в цветные туники¹, достигавшие колен, и в высокие сандалии из рыбьей кожи, напоминавшей шагреневую.

Старик, очевидно, был чем-то вроде врача, потому что по очереди осмотрел нас, возлагая каждому руку на голову и закрывая глаза, точно он таким путем составлял себе впечатление о физическом состоянии пациента. Очевид-

¹ Туника — древнеримское одеяние для мужчин и женщин.

но, обследование ни в какой степени его не удовлетворило, потому что он недовольно покачал головой и сказал несколько сердитых слов Мэнду. Тот сейчас же отрядил куда-то одного из помощников, который принес поднос с кушаньями и кувшин с вином и поставил перед нами. Мы были слишком измучены, чтобы спрашивать, что это такое, и сочли за лучшее немедленно приступить к еде.

После этого нас провели в другую комнату, где были приготовлены три постели, и я немедленно свалился на первую попавшуюся. Смутно помню, что подошел Биль Сканлэн и присел на край моей постели.

— Слышите, Хедли, — сказал он, — этот глоток водки спас мне жизнь. Где, собственно, мы находимся?

— Знаю столько же, сколько и вы.

— Что же, — сказал он отходя, — здесь неплохо. И вино у них вполне приличное...

Больше я ничего не слышал, погружившись в глубочайший сон.

Придя в себя, я сначала никак не мог понять, где нахожусь, и с удивлением оглядывал большую комнату без окон, со стенами, выкрашенными в спокойный цвет, красноватую мебель и две другие постели, с одной из которых доносился громкий храп Маракота. Все это было слишком странно для того, чтобы считаться реальностью, и лишь потрогав одеяло, сотканное из сухих волокон неизвестного мне морского растения, я убедился, что необычайный сон продолжается. Я все еще никак не мог освоиться с этой мыслью, когда раздался взрыв хохота и Биль Сканлэн соскочил с постели.

— Доброе утро, Хедли! — воскликнул он.

— Вы сегодня в хорошем настроении, — ответил я несколько неприязненно. — Я не вижу особых причин для веселья.

— Я тоже, как и вы, повесил было нос, когда проснулся, — ответил он. — Потом мне пришла забавная штука в голову, и я расхохотался.

— А что за штука?

— Я подумал, как чертовски забавно было бы нам всем вчера прицепиться к этому самому лоту! Вот-то смеху было бы, если бы старик Хови выудил нас в добром здравии! «Что за рыбыны в банках?» подумал бы он.

Наш смех разбудил доктора Маракота.

— Сейчас девять часов, — сказал он, посмотрев на часы.

Мы сверили часы: девять. Только вот вопрос — дня или вечера.

— Нам надо завести календарь, — предложил Маракот. — Мы совершили спуск третьего октября. Сюда мы попали к вечеру того же дня. Вопрос: сколько времени мы проспали?

— Что касается меня, то не меньше месяца, — ответил Биль Скэнлэн. — Ни разу я еще не спал так крепко с тех пор, как Микки Скотт опрокинул меня на шестом раунде¹, когда мы с ним боксировали на фабрике...

Мы вымылись и оделись. Все, что требовалось для этого, мы нашли без труда. Но дверь была заперта, и было очевидно, что мы находимся в плену. Несмотря на видимое отсутствие вентиляции, воздух был удивительно чист, и мы вскоре обнаружили, что он вливается в комнату через небольшие отверстия в стенах. Отопление было, очевидно, центральное; температура была приятная, комнатная.

Вдруг я заметил на стене кнопку и машинально нажал ее. Это был звонок или что-то в этом роде, потому что дверь тотчас же распахнулась, и на пороге появился маленький смуглый человечек в желтой тунике. Он вопросительно смотрел на нас темными ласковыми глазами.

— Мы голодны, — сказал Маракот. — Дайте нам, пожалуйста, поесть.

Человек покачал головой и улыбнулся. Ясно было, что он не понимает нас. Когда же я открыл рот и выразительно пожевал палец, наш страж усиленно закивал и быстро исчез.

Через десять минут дверь снова распахнулась, и двое людей в желтых одеждах вкатили столик на колесах. Даже в Балтимор-Отеле нам не сервировали бы лучшего завтрака: здесь были кофе, горячее молоко, пирожки, нежная камбала и мед. С полчаса мы были слишком заняты, чтобы затевать дискуссию на тему, что именно мы едим и откуда это все явилось. Когда блюда опустели, снова появились желтые слуги, выкатили столик и тщательно заперли за собою дверь.

¹ Раунд — отдельная схватка при боксе.

— Честное слово, я исщипал себя до синяков! — заявил Биль. — Спим мы или нет, позвольте вас спросить? Слышите, док, вы нас сюда притащили, и ваша святая обязанность объяснить нам, как все это нужно понимать.

Доктор покачал головой.

— Для меня это тоже сон, — сказал он, — но какой изумительный сон!

— Ясно одно, — заметил я: — что в легендах об Атлантиде¹ было много истины, и часть погибшего народа спаслась каким-то, нам пока неизвестным образом.

— Даже если они и спаслись, — ответил Биль Скэнлэн, почесывая затылок, — то чорт меня побери, если я понимаю, как они получают свежий воздух и все такое!

— Пока подведем итоги нашим наблюдениям, — предложил Маракот. — Одно обстоятельство для меня совершенно ясно — я понял его, когда ел мед за завтраком. Мед был явно синтетический², какой и мы уже научились делать у себя на поверхности земли. Но если есть синтетический мед, почему не быть синтетическому кофе и пшенице? Молекулы³ элементов разбросаны повсюду вокруг нас, надо только знать, как переместить их, чтобы получить новое вещество. Сахар превращается в крахмал, а эфир в алкоголь простой перестановкой молекул. От чего же зависит эта перестановка? От теплоты, от электрических влияний, от других причин, которых мы совершенно не знаем. Некоторые вещества изменяются сами собой. Уран становится радием, радий превращается в свинец без всякого вмешательства с нашей стороны.

¹ Атлантида — континент, занимавший, по преданию, часть Атлантического океана. Рассказ об Атлантиде записан древним греческим философом Платоном со слов Солона — законодателя, жившего в еще более древние времена и записавшего этот рассказ, в свою очередь, со слов одного египетского жреца. Сказание Платона долгое время считалось мифом. Однако вопрос об Атлантиде не переставал и доныне не перестает интересовать ученых, среди которых нет единого мнения относительно возможности существования материка или крупных островов в средней части Атлантического океана в третичную или даже более близкую нам четвертичную эпоху.

² Синтез — в химии получение химических соединений из основных элементов или сложных соединений из более простых. Противопоставляется анализу — разделению сложного целого на его составные части.

³ Молекула — мельчайшая частица тела, сохраняющая его химические свойства.

— Значит, вы полагаете, что у них очень развита химия?

— Совершенно уверен. Очевидно, они отлично умеют справляться с этими молекулами элементов. Кислород и водород добываются непосредственно из морской воды. Углерод и уголь имеются в изобилии в составе водорослей, а кальций и фосфор — в отложениях на дне. С умом и знанием чего только нельзя сделать!

Доктор еще продолжал лекцию по химии, когда дверь открылась и вошел Мэнд, дружески приветствуя нас. С ним вместе пришел старик, который осматривал нас накануне вечером. Очевидно, это был очень ученый человек, потому что он обращался к нам на разных языках, но ни одного из них мы не понимали. Тогда он пожал плечами и заговорил с Мэндом, который дал знак двум желтым слугам. Они внесли странный небольшой экран на двух подставках. Экран был похож на обыкновенный кинематографический и был покрыт светлым металлом, блестящим и переливавшимся в лучах света. Экран приставили к одной из стен. Старик отмерил несколько шагов и провел черту на полу. Став на нее, он обернулся к Маракоту и прикоснулся ко лбу, указывая на экран.

— Новое дело! — усмехнулся Биль. — Туманными картинками развлекать нас хочет!

Маракот покачал головой, показывая, что мы не понимаем, чего от нас хотят. С минуту старик думал, потом, очевидно приняв какое-то решение, прсвел рукой по лицу и, повернувшись к экрану, сосредоточенно уставился на него. Вскоре на экране появилось изображение группы людей. Это были мы — но не совсем мы: Сканлэн имел вид опереточного китайца, Маракот выглядел, как труп. Но, очевидно, такими мы казались старику.

— Это отражение его-мыслей! — воскликнул я.

— Правильно! — подтвердил Маракот. — Это удивительнейшее изобретение!

— Вот уж никогда не думал, что увижу себя в кино, если этот мордорот изображает меня! — оскорбленно заметил Сканлэн. — Но что он там волнуется, этот старик?

— Он хочет, чтобы доктор проделал такую же штуку.

Маракот занял указанное место и, сосредоточившись, прекрасно воспроизвел картину. Мы увидели изображение Мэнда, потом «Стратфорд» в тот момент, когда покидали его.

И Мэнд и старик-ученый радостно закивали головой при виде парохода, а Мэнд начал делать плавные жесты от нас к экрану.

— Просит рассказать им всё! — воскликнул я. — Они хотят знать по картинкам, кто мы такие и как сюда попали.

Маракот кивнул Мэнду, показывая, что мы поняли, и начал было «рисовать» картинки нашего путешествия, но Мэнд прикоснулся к его руке и прервал рассказ. По его знаку слуги унесли экран, и атланты знаками же пригласили нас следовать за ними.

Здание было огромное, и мы долго шли по запутанной сети коридоров, пока наконец не пришли в большой зал с сиденьями, возвышающимися амфитеатром, как в университетской аудитории. Впереди стоял большой экран, точно такой же, какой мы только что видели. На скамьях сидели люди; их было около тысячи человек. При нашем появлении раздался одобрителный шопот. Здесь были и мужчины и женщины всех возрастов; мужчины все бородатые; женщины постарше имели весьма почтенный вид, а девушки блистали красотой. Нас усадили в первом ряду, а Маракота поставили на кафедру перед экраном. Потом свет каким-то образом потушили, и был дан знак начинать.

Маракот прекрасно восстанавливал в своем воображении сцены пережитого. Сперва мы увидели наш корабль, выходящий из устья Темзы, и ропот удовольствия прошел по рядам при виде современного красавца-города. Потом появилась карта, на которой был отмечен наш путь. Показалась стальная кабина, и при виде ее многие стали оживленно переговариваться. Кабина опускалась все глубже и глубже. Затем появился чудовищный рак, погубивший нас.

— Маракс! Маракс! — закричали зрители при появлении чудовища.

Ясно было, что они знали и боялись его. Но вот чудовище стало перетирать канат, и раздались крики ужаса, перешедшие в вопль, когда канат оборвался и кабина полетела в бездну. Рассказывая целый месяц, мы не объяснили бы все так подробно, как в течение этой получасовой лекции-демонстрации.

Когда зажегся свет, вся аудитория собралась подле нас, прозялая знаки симпатии и удовольствия. Люди хлопали нас по плечу и всеми способами показывали,

что мы им весьма приятны. Нас по очереди представляли некоторым начальникам.

Здесь, повидимому, право руководить людьми определяется количеством знаний, потому что в остальном все стояли на одной социальной ступени и были одинаково одеты в цветные туники. У мужчин были короткие до колен пурпуровые туники с поясами; обуты они были в высокие сандалии из какого-то эластичного материала — вероятно, из кожи морских животных. Женщины живописно драпировались в розовые, синие, зеленые одежды и были украшены нитками жемчуга и мелких перламутровых раковин. Некоторые из них были так прекрасны, что на земле невозможно было бы найти им равных. Там была одна...

Но зачем мне вмешивать личные переживания в рассказ общественной важности! Скажу лишь, что Мона — единственная дочь Скарпы, одного из вождей подводного народа, и что с самой первой нашей встречи я прочел в ее взоре симпатию и сердцем почувствовал, что и она поняла мое восхищение ее красотой. Пока больше ничего я о ней говорить не буду.

Позже Мэнд и другие наши новые друзья водили нас по различным помещениям бесконечного здания. Здание настолько вросло в дно океана, что проникнуть в него можно было лишь через крышу; и отсюда длинные коридоры лабиринтом спускались все ниже пока не достигали глубины нескольких сот метров под уровнем входа.

Эти люди пробивали отверстия в самом дне океана. Мы заметили проходы и коридоры, которые вели глубоко под землю по всем направлениям. Нам показали аппараты, вырабатывающие воздух, и насосы, разгоняющие его по всему огромному зданию. Маракот с восхищением и уважением показал нам реторты меньшего размера, где вырабатывались другие газы; это могли быть только аргон, неон и прочие элементы атмосферы, свойства которых мы у себя на земле едва начинаем понимать. Чрезвычайно интересны были большие дистилляторы для свежей воды и огромные электрические установки, но большинство машин было так основательно закрыто, что мы не имели возможности разобраться в их деталях. Могу заявить лишь одно: мои собственные глаза и органы вкуса дали мне возможность убедиться, что химические элементы в жидком и газообразном состоянии вводились в различные аппараты, что они подвергались там обработке теплом, давлением и

электричеством и что в результате появлялись мука, чай, кофе, вино и множество других продуктов питания.

При самом поверхностном осмотре здания одно обстоятельство поразило нас. Нам стало совершенно очевидно, что затопление страны было предусмотрено ее обитателями задолго до катастрофы и они своевременно позаботились об организации своего спасения от неминуемой гибели. Все огромное здание строилось с расчетом послужить в случае наводнения убежищем и постоянным жильем для народа. Машины, вырабатывавшие воздух, пищу, дистиллированную воду и другие необходимые продукты, были заблаговременно помещены в стенах здания и составляли его неотъемлемую часть. Были предусмотрены выходы с крыши; организованы мастерские, изготавливавшие прозрачные колпаки-скафандры; установлены колоссальные насосы для откачивания воды из специальных камер, сообщавшихся непосредственно с океаном. Все это было организовано с умом и дальновидностью удивительно культурного народа.

Совершенно случайно мы нашли возможность — правда, весьма несовершенную — для сношений с нашими хозяевами. Как-то, путешествуя по зданию, мы попали в комнату без всяких украшений. В одном углу ее стояла статуя, принявшая от времени цвет слоновой кости и изображавшая женщину с копьем в руке. На плече у женщины сидела сова. Комнату охранял дряхлый старик, и, несмотря на его старость и сморщенную кожу на лице, мы поняли, что это представитель иной, древней расы. Мы с Маракотом стояли, смотря на статую и стараясь припомнить, где мы ее видели раньше, когда старик обратился к нам.

— Теа, — сказал он, указывая на статую.

— Чорт возьми! — воскликнул я. — Он говорит по-гречески!

— Теа Атена, — повторил старик.

Сомнений не было. Он говорил: «Богиня Афина».

Маракот, этот удивительный человек с универсальными знаниями, начал задавать ему вопросы на классическом греческом языке, которые старик понимал лишь отчасти и отвечал на столь архаическом диалекте, что его трудно было понять. И все же Маракот нашел наконец посредника для сношений с атлантами!

В тот же вечер Маракот взволнованно говорил нам тоном лектора, обращаясь к большой аудитории:

— Это поразительное доказательство правдивости древней легенды об атлантах! В легенде вообще почти всегда бывает фактический базис, на который последующие века наслаивают свои добавления. Вам известно, или, вернее сказать, вам неизвестно, что во время катастрофы, разразившейся над несчастным островом, между древними греками и атлантами происходила кровопролитная война. Эти факты описаны Солоном со слов жрецов Саиса. Мы можем допустить, что в эту эпоху у атлантов были греческие пленники, что некоторые из них служили в храмах и принесли с собой свою религию. Насколько я мог понять, старик — единственный наследник знаний древних греческих жрецов, и когда мы его узнаем поближе, то, вероятно, узнаем больше и обо всем нас интересующем...

Атланты были веселым народом, и мы вели чудесную жизнь, но бывали и бывают времена, когда сердце стремится к воспоминаниям и встают картины квадратных башен Оксфорда и знакомых полей Харварда. В начале нашей подводной жизни они мне казались такими же далекими, как лунный ландшафт, но теперь меня часто охватывает безудержное желание снова увидеть их...

Через несколько дней наши хозяева взяли нас с собой в экспедицию на дно океана. С нами отправилось шестеро, в том числе Мэнд, вождь. Собрались мы все в той же входной камере, через которую проникли впервые в здание Храма Безопасности — так называли атланты свой подводный город. Теперь мы более подробно осмотрели устройство этой камеры. Это была большая квадратная комната, не менее тридцати метров в длину и ширину; ее низкие стены и потолок были сплошь покрыты зеленой плесенью. По стенам комнаты виднелся длинный ряд крючков со знаками, которые, как нам объяснили, были цифрами, и на этих крючках висели прозрачные водолазные колпаки; каждый из них был снабжен парой наплечных батарей для дыхания. Пол был выстлан плитами из светлого известняка, выщербленными шагами многих поколений, и в углублениях его застаивалась мутная вода. Комната была ярко освещена трубками, подвешенными к карнизу. Нас заключили в стеклянные колпаки и дали каждому по толстой остроконечной палке вроде багра, из неизвестного, чрезвычайно легкого металла.

Потом по данному сигналу Мэнд велел нам ухватиться

за перила, окружавшие комнату. Он сам подал нам пример, а за ним и другие атланты. Скоро выяснилась причина этой предосторожности. Как только открылась наружная дверь, в комнату ворвались воды океана с такой силой, что, не держись мы за герила, бушующий поток тотчас же свалил бы нас с ног. Вода быстро поднималась, и, когда она покрыла нас с головой, напор сразу ослабел. Мэнд двинулся к выходу, знаками приглашая нас следовать за собой, и мы вышли на дно океана, оставив за спиной открытую дверь входной камеры.

Оглядываясь кругом, в холодном мерцающем свете, слабо озарявшем дно океана, мы могли свободно разглядеть все на расстоянии полукилометра по радиусу. Больше всего нас удивила ярко светящаяся вдалеке точка, но что это было, мы пока не могли разобрать. К этой точке и направился наш предводитель, а мы шли за ним гуськом. Вскоре мы ясно увидели тот предмет, откуда лился загадочный свет: это была наша стальная кабина — последнее воспоминание о земной жизни! Она лежала боком на одном из куполов Храма Безопасности, все еще ярко освещенная изнутри. Сжатый воздух сохранил от вторжения воды ту ее часть, где были электрические установки.

Странное ощущение испытывали мы, рассматривая через иллюминатор столь знакомую нам внутренность нашей стальной тюрьмы, наполненной водой, в которой скользили, как в аквариуме, бесчисленные странные рыбы.

Один за другим мы проникли в кабину через открытый люк на дне. Маракот хотел непременно спасти записную книжку, плавающую на поверхности воды, а мы со Скэнлэном решили захватить кое-что из личного имущества. За нами пробрался и Мэнд с двумя спутниками и стал с интересом рассматривать глубиномер, термометр и другие инструменты, прикрепленные к стенам. Кое-какие из них мы сняли и взяли с собой.

Ученым будет небезынтересно знать, что здесь, на самой большой глубине, куда только спускался человек, постоянная температура равна пяти градусам по Цельсию, то есть выше, чем в верхних слоях океана. Объясняется это непрерывным химическим процессом разложения ила и развивающейся в связи с этим теплотой.

Оказалось, что наша экспедиция имела определенную цель помимо прогулки по дну океана. Мы охотились, мы добывали пищу. Я видел, как наши спутники ударяли ост-

рыми баграми большую коричневую плоскую рыбу, несколько похожую на камбалу, всякий раз удачно поражая добычу.

Первое впечатление от дна океана — унылая монотонность, бесконечное однообразие. Но вскоре мы убедились, что равнина была изборождена бесчисленными подводными течениями, пересекающими ее, как подводные реки. Эти течения прорывают каналы в мягком слое ила и образуют настоящие речные ложа. Дно каналов состоит из красной глины, которая является фундаментом всего дна океана, и сплошь устлано какими-то белыми предметами, которые я сначала принял за раковины. При ближайшем рассмотрении они оказались костями китов, зубами акул и других морских чудовищ.

Одна странность особенно поражает наблюдателя океанского дна: это, как я упомянул, постоянный холодный свет, излучаемый огромными фосфоресцирующими массами разлагающихся органических веществ. Но выше темно, как ночью. Это создает иллюзию сумеречного зимнего дня, когда низко над землей тянутся огромные мрачные тучи.

Со вздохом покинув стальную кабину — последнее звено, связывающее нас с землей, — мы вошли в сумрак подводного мира и вскоре наткнулись на новое зрелище.

Впереди замаячила смутная движущаяся масса, оказавшаяся группой людей в прозрачных колпаках. Люди эти неутомимо рыли толстые пласты каменного угля на дне океана. Это была тяжелая работа, и бедняги напрягали мускулы, врубаясь в пласты и вытаскивая отбитые куски при помощи веревок из рыбьей кожи. При каждой группе рабочих находился надзиратель, и мы с удивлением заметили, что рабочие и надзиратели принадлежали к совершенно разным расам. Рабочие были высокие люди, красавцы с голубыми глазами и могучим телом. Надзиратели были брюнеты с примесью негритянской крови, коренастые, бородатые. Маракот позднее объяснил нам, что голубоглазые рабочие, по всей вероятности, являются потомками греческих пленников, чью богиню мы видели в храме.

Мэнд вел нас дальше и дальше. Мы попали, очевидно, в центр каменноугольной промышленности атлантов. Здесь органический слой и песчаные напластования дна были сняты целиком, и обнаружилось широкое пространство, от-

куда начиналась шахта, где чередовались слои угля и глины. Во всех концах грандиозных раскопок мы видели группы людей за работой: они отбивали пласты, грузили куски в корзины, поднимали их наверх. Площадь раскопок была настолько обширна, что мы не могли видеть другого края огромного колодца, который был пробит в дне океана многочисленными поколениями рабочих. Уголь, превращаемый в электрическую энергию, являлся основной движущей силой, приводившей в движение все машины Атлантиды.

Кстати, любопытно отметить, что самое имя древнего города совершенно точно сохранено легендами. Когда мы упомянули слово «Атлантида», Мэнд и другие наши спутники чрезвычайно удивились, что мы его знаем, а потом одобрительно закивали, показывая, что они нас поняли.

Миновав огромный колодец-шахту, мы подошли к цепи базальтовых скал с поверхностью, столь же блестящей, какой она была в тот день, когда недра земли извергли эти скалы впервые. Вершины скал уходили в темноту непроглядной ночи, а подножия терялись в густой чаще водорослей.

Некоторое время мы шли вдоль опушки этих густых подводных зарослей, как вдруг я увидел, что Мэнд остановился и стал озираться, жестами выражая удивление и тревогу. Его выразительные движения и мимика подвижного лица вполне заменяли язык. Атланты сейчас же уяснили себе причину его беспокойства, а затем и мы поняли, в чем дело. Доктор Маракот исчез!

Я отчетливо помню, что доктор был с нами, когда мы шли мимо угольной шахты. Наши друзья были чрезвычайно встревожены его исчезновением, а мы со Сканлэном, хорошо знакомые с эксцентричностью рассеянного ученого, были убеждены, что тревожиться не из-за чего и что мы скоро найдем его. Мы повернулись и пошли обратно. Действительно, не сделали мы и сотни шагов, как увидели Маракота.

Он бежал со скоростью, которой я никак не ожидал от человека его возраста и привычек. Самый плохой спортсмен может показать недурной рекорд, если его подгоняет безудержный страх. Маракот бежал, спотыкаясь и увязая, и размахивал руками, точно взывал о помощи. Причина

столь странного поведения почтенного ученого была уважительной: три ужасных существа преследовали его по пятам. Это были тигровые крабы с чередующимися черными и желтыми полосами, каждый размером с пса ньюфаундленда. К счастью, они не могли быстро передвигаться по илу и как-то странно, боком прыгали по мягкому дну океана со скоростью, немного большей, чем развил Маркот.

Крабы постепенно нагоняли насмерть перепуганного беглеца и через несколько минут схватили бы его своими страшными клешнями, если бы не вмешались наши друзья. Они бросились навстречу крабам с острыми баграми наперевес, а Мэнд зажег мощный электрический фонарь, висевший у него на поясе, и пустил сноп света в глаза чудовищам. Крабы поспешно свернули в заросли и пропали из виду, а доктор бессильно опустился на обломок кораллового рифа. По его лицу было видно, что он совершенно измучен.

Позже он рассказывал нам, что проник в подводные джунгли, желая поймать редкий экземпляр глубоководной химеры¹, и попал в гнездо свирепых тигровых крабов, мгновенно бросившихся за ним в погоню... Только после продолжительного отдыха он набрался сил и смог продолжать путешествие.

Миновав базальтовые утесы, мы наконец подошли к настоящей цели нашей экскурсии. Серая равнина, открывавшаяся перед нами, была покрыта раскинутыми в беспорядке пригорками, высокими холмами, выступами. Это было все, что осталось от великого города древних атлантов. Он был бы совершенно и навсегда погребен под слоем ила, как Геркуланум под лавой и Помпея под пеплом², если бы жители Храма Безопасности не прокопали в него вход. Входом служил длинный покаты́й коридор, оканчивавшийся широкой улицей, по обе стороны которой тянулись ряды строений. Стены домов были изборозжены трещинами и частично развалились, но внутри жилища большей частью остались в том же состоянии, в каком захва-

¹ Химера — небольшая рыба, похожая на акулу, с продолговатым телом, низко расположенным ртом, голой кожей и длинной хвостовой нитью.

² Геркуланум и Помпея — итальянские города, погибшие при извержении Везувия в 79 году нашей эры.

тила их разразившаяся катастрофа; только в некоторых местах морские волны похозяйничали в домах или века внесли свои поправки в убранство комнат.

Подводные жители не дали нам времени осмотреть первые дома и увлекали нас вперед, пока мы не добрались до здания, которое, очевидно, было большой центральной крепостью или дворцом. Вокруг него concentрическими кругами располагался весь город.

Колонны, огромные скульптурные карнизы, площадки и лестницы этого здания по своей роскоши превосходили все, что я когда-либо видел на земле. Больше всего здание было похоже на остатки египетского храма Карнака в Луксоре. Украшения и полустертые надписи в мелочах напоминали украшения и надписи великих развалин близ Нила, а колонны, увенчанные огромными капителями¹ в виде цветов лотоса, были точно такие же.

Мы проходили огромный зал с большими статуями, стоявшими вдоль стен, и видели стада крупных серебристых угрей, мелькавших над нашими головами. Перепуганные рыбы без оглядки удирали от света фонаря, которым Мэнд освещал дорогу. Мы переходили из комнаты в комнату, подолгу задерживаясь в богато обставленных покоях, носивших следы той непомерной роскоши, которая, по преданию, навлекла гнев богов на Атлантиду.

Одна комната, сравнительно небольшая, была чудесно украшена перламутровой инкрустацией, которая еще до сих пор переливалась мягкими опаловыми бликами, когда луч света, играя, скользил по стене. Изысканно орнаментированное ложе из желтого металла занимало целый угол; эта комната казалась опочивальней какой-нибудь царицы атлантов. Но около ложа теперь лежал уродливый черный скат, и его безобразное тело вздымалось и опускалось в тихом пульсирующем ритме; он казался сердцем, еще бьющимся в центре этого страшного дворца... Я был рад, да и мои товарищи тоже, когда атланты вывели нас отсюда.

На мгновение мы заглянули в большой цирковой амфитеатр, далее увидели длинную набережную с маяком, и это позволило нам заключить, что погибший город был в свое время морским портом.

¹ Капитель — верхняя, обыкновенно орнаментированная часть колонны.

Мы проходили огромный зал ..

Наконец мы выбрались из этих мест, на которых лежала жуткая печать разложения, и снова очутились на знакомой подводной равнине.

Через некоторое время мы, усталые телом, но бодрые духом, были уже перед знакомой квадратной дверью с тяжелыми колоннами по бокам. Вскоре мы стояли, сухие и невредимые, на сыроватом полу входной камеры.

Через несколько дней (нам трудно точно определять время) после того, как Маракот демонстрировал атлантам наши приключения на экране — «кинематографе мысли», нас пригласили на еще более торжественное собрание, где мы узнали историю и прошлое этого удивительного народа.

Нас привели опять в тот же большой зал, где Маракот при помощи экрана рассказывал о наших приключениях. Здесь уже собралась вся коммуна обитателей Храма Безопасности, и нам, как и в прошлый раз, отвели почетные места перед большим блестящим экраном. Атланты запели длинную торжественную песнь; потом дряхлый, седой старик — историк или хроникер атлантов, — напутствуемый аплодисментами, занял кафедру и стал проецировать на экран ряд картин, изображавших возвышение и падение его народа.

В первой серии изображений мы увидели древний материк во всем блеске его славы. Очевидно, память об этом историческом для атлантов периоде сохранилась в народе, передаваясь из поколения в поколение. Мы наблюдали великую страну с птичьего полета, ее огромные равнины, прекрасно возделанные и орошенные. Повсюду были разбросаны селения, фермы и дворцы величественной архитектуры.

Потом наше внимание привлекла столица страны — удивительный, великолепный город на берегу моря. Гавань его была полна галерами¹, пристани полны людьми.

Город был защищен крепкими стенами, высокими боевыми башнями и глубокими рвами колоссальных размеров.

¹ Галера — большое гребное многовесельное судно в древности и в средние века.

Затем мы увидели обитателей страны того века: почтенных старцев, мужественных воинов, прекрасных женщин, веселых крепких детей.

Потом замелькали картины другого рода. Мы видели войны, непрерывные войны, войны на суше и на море. Мы видели полудикие беззащитные племена, уничтожаемые огнем и мечом. Их резали боевые колесницы, снабженные специальными ножами, топтала тяжелая конница. Мы видели сокровища, доставшиеся победителям. Но с увеличением богатств изменялись и лица на экране — они приобретали все более жесткие, животные черты.

Мы наблюдали все типичные признаки жадности, вырождения, падения большой культуры... Простая, здоровая, крепкая жизнь отошла в область преданий. Мы видели беззаботные, легкомысленные толпы, бросавшиеся от одного увлечения к другому.

На этой гниющей почве вырос, с одной стороны, класс эксплуататоров, сверхбогачей, стремившихся исключительно к наслаждениям, с другой — обнищавшее до последней степени население, все жизненное назначение которого сводилось к беспрекословному исполнению желаний и капризов господствующего класса, как бы жестоки и отвратительны эти желания ни были...

Потянулся ряд страшных картин.

Среди появившихся реформаторов-мудрецов выделился один, крепкий духом и телом, возглавивший все реформаторское движение. Он был влиятелен, силен, и его считали пришельцем из другой страны. Мы видели его в глубоком раздумье, размышлявшим о судьбах Атлантиды. Это он собрал всех выдающихся ученых страны, накапливал высшие знания и применил их для постройки убежища от грядущей катастрофы. Мы видели тысячи рабочих за постройкой. С каждым днем росли стены, а вокруг толпились беспечные граждане, смотрели, хохотали и удивлялись столь сложным и ненужным предосторожностям. Понемногу мудрец собрал своих приверженцев и поселил их в Храме Безопасности, потому что точно не знал ни дня, ни часа надвигавшейся беды...

И гроза разразилась! Это было ужасное зрелище даже на экране!

Мы увидели, как страшная сверкающая гора воды поднялась вдали на огромную высоту из спокойной глади оке-

ана; потом она двинулась вперед, сметая все перед собой.

Эта гигантская волна с силой ударила о берег и понеслась на город, и дома никли под ее напором, как спелая рожь под порывами бури. Мы видели людей, взбирающихся на крыши домов, ищущих спасения от неминуемой гибели. Их лица были искажены ужасом, глаза дико блестели. Они взывали о помощи, ломали руки и в неопишуемой панике метались из стороны в сторону. Те самые люди, что насмехались над строителем, теперь бросались на колени, простирая руки, в животном страхе моля о спасении...

Вода все прибывала. Город тонул... Через расселины на дне океана вода хлынула в глубины земли, внутренний огонь превратил ее в пар, и произошел гигантский взрыв, разрушивший и исковеркавший подпочвенные слои древнего материка. Город уходил под воду на глазах... Плотины раскололись пополам и исчезли. Гигантский маяк медленно погрузился в воду. Еще некоторое время виднелись купола и крыши высоких домов, точно острые скалистые рифы, но скоро и они скрылись под водой... На поверхности бушующего океана высилась лишь одна крепость, как чудовищной величины корабль. Потом и она стала медленно опускаться в бездну, а на вершине ее качался лес рук, простертых вверх...

Ужасная драма приходила к концу. Беспредельное море залило весь материк. На его поверхности то там, то тут всплывали трупы людей и животных, обломки, одежда, головные уборы, тюки с товарами, и все это ныряло и носилось в пенистом водовороте. Но вот буря стала понемногу стихать. Раскинулась необъятная водная гладь, спокойная и блестящая, как ртуть. Мрачное солнце на горизонте скупо освещало могилу некогда процветавшей страны...

Рассказ был окончен. Нам не о чем было расспрашивать — догадка, логика и воображение восстановили все пробелы рассказа. Мы поняли теперь, как сумели укрывшиеся во дворце спастись от смерти, как использовали они разнообразные достижения науки, которыми снабдил их гениальный строитель Храма Безопасности, как он обучил их всем наукам и искусствам перед своей смертью, как кучка в пятьдесят-шестьдесят спасшихся атлантов выросла теперь в значительное общество, которое должно было

вгрызаться в недра земли, чтобы расширить свои владения. Целая справочная библиотека не смогла бы проще и подробнее рассказать все это, чем серия картин-мыслей...

Такова была участь древнего государства атлантов. Таковы были обстоятельства, при которых оно погибло.

Один лишь пункт оставался несколько неясным: сколько прошло времени с того дня, когда произошла катастрофа? Доктор Маракот прибегнул к довольно несовершенному методу для определения даты.

Среди множества помещений огромного здания Храма Безопасности был большой зал, служивший местом погребения вождей атлантов. Здесь, как и в Египте, практиковали мумификацию трупов, и в нишах по стенам стояли бесчисленными рядами эти мрачные реликвии прошлого...

Мэнд гордо указал на свободную нишу и дал нам понять, что она заготовлена специально для него.

— Если мы обратимся к родословной европейских правителей, — объяснил нам Маракот профессорским тоном, — то найдем, что они сменялись приблизительно по пять человек в столетие. Эти цифры мы можем применить и в данном случае. Конечно, мы не можем гарантировать абсолютной точности, но приблизительные цифры получить нетрудно. Я сосчитал мумии: их больше четырехсот.

— Значит, получается около восьми тысяч лет!

— Правильно. И это вполне совпадает со сведениями Платона. Катастрофа, разумеется, произошла еще до зарождения египетской письменности, которая берет начало между шестью и семью тысячами лет тому назад. Я думаю, мы имеем право сказать, что наши глаза видели воспроизведенную на экране трагедию, случившуюся не менее восьмидесяти веков назад. Но, разумеется, создание той культуры, следы которой мы находим здесь, само по себе потребовало многих тысячелетий...

Это случилось приблизительно через месяц после посещения погребенного города. К тому времени мы чувствовали себя как дома в огромном здании; мы прекрасно знали расположение комнат, мы присутствовали на концертах атлантов (их музыка очень странна и сложна для нашего уха) и на театральных представлениях, где непонятные нам слова прекрасно пояснялись живыми, выразитель-

ными жестами; короче говоря, мы стали членами своеобразной коммуны атлантов. Мы посещали отдельные семьи в их частных помещениях, и наша жизнь — моя, во всяком случае, — была согрета гостеприимством этих радушных людей, особенно одной милой девушки, чье имя я уже однажды упоминал... Мона была дочерью одного из вождей, и в ее семье я нашел такой теплый и ласковый прием, который стирал всю существующую между нами разницу.

Однажды Сканлэн, прибежав к нам, сообщил, что произошло что-то важное.

— Один из этих черномазых, — возбужденно рассказывал Биль, — сейчас ворвался в музыкальный зал, стал что-то бормотать, сорвался с места, и все помчались за ним. Вы как хотите, а я побегу за ними, потому что там, наверное, есть на что посмотреть.

Выбежав в коридор, мы увидели, что атланты бегут по направлению к выходу, оживленно жестикулируя. Присоединившись к ним, мы смешались с толпой и, наскоро надев колпаки, помчались по дну океана вслед за взволнованным вестником.

Дорога тянулась вдоль базальтовых утесов, пока мы не достигли места, откуда начались ступени, полустертые от многолетнего хождения по ним. Мы взобрались на вершину базальтовой скалы и, спустившись с нее, очутились в разрушенной деревне, загроможденной осколками скал, сильно затруднявшими передвижение. Пробежав по единственной узкой, извилистой улочке деревни, мы вышли на круглую равнину, блестящую фосфорическим светом. В центре равнины лежало нечто... У меня занялся дух!

Слегка зарывшись в мягкий ил, перед нами лежал на боку большой пароход. Труба его была сбита, грот-мачта сломана почти у самого основания, но в остальном корабль был нетронут и так чист, точно только что вышел из дока. Мы поспешили обойти вокруг него и очутились перед его кормой. Вы можете себе представить, с каким чувством я прочел его имя:

«СТРАТФОРД». ЛОНДОН

Наш корабль последовал за нами в Маракотову бездну!

Когда первое потрясение прошло, зрелище показалось

нам не таким уж загадочным. Мы вспомнили пасмурную погоду, зарифленные паруса норвежского барка неподалеку от «Стратфорда» и черное клубящееся облако на горизонте. Ясно, что наверху внезапно разразился чудовищной силы циклон, разбивший вдребезги «Стратфорд». Было совершенно очевидным, что команда яхты погибла, потому что все шлюпки, хоть и полуразбитые, висели на таях. Да и какая шлюпка могла бы спастись в такой ураган? Трагедия, несомненно, произошла часа через два после нашей катастрофы. Лот, который мы видели на дне, был, возможно, брошен за несколько минут до первого порыва циклона. Было странно сознавать, что мы еще живы, а те, кто, может быть, оплакивал нашу гибель, погибли сами.

Бедный капитан Хови — вернее, то, что от него осталось — все еще стоял на своем посту, на капитанском мостике, крепко вцепившись в перила окоченевшими пальцами. Только он и трое кочегаров в машинном отделении утонули вместе с яхтой. Всех их, по нашим указаниям, сняли с судна, и мы погребли их под слоем векового ила и украсили могилы подводными цветами.

Пока мы выполняли этот скорбный долг, по яхте сновали атланты. Они копошились там, как мыши в забытой головке сыра. Их любопытство и возбуждение ясно доказывали, что «Стратфорд» — первый пароход, попавший к ним в бездну.

Позже мы узнали, что атланты могли дышать под водой всего лишь несколько часов без перезарядки на особой станции кислородных аппаратов, находящихся в их подводной одежде; поэтому их познания по топографии морского дна были ограничены сравнительно небольшой территорией — не более десяти километров от центральной базы.

Атланты сразу же принялись за дело, роясь в каютах «Стратфорда» и отбирая все, что могло им пригодиться. Это паломничество за оборудованием яхты происходит непрерывно и теперь еще не закончено. Мы тоже рады были случаю проникнуть в свои старые каюты и унести оттуда всю одежду и книги, уцелевшие при катастрофе.

Среди имущества, снятого нами со «Стратфорда», был и корабельный журнал, который велся капитаном до самого последнего момента. И опять было странно читать

о собственной гибели и видеть гибель того, кто о ней писал. Описав наш спуск и то, как оборвался канат, соединявший «Стратфорд» с нашей кабиной, капитан, между прочим, занес в свой журнал следующее:

«...Я должен отметить одно удивительное происшествие, значение которого не имею времени расшифровать, так как начинается шторм и надо торопиться с записями. Был брошен лот, который отметил глубину семь тысяч шестьсот пятьдесят метров. Груз его, конечно, остался на дне, канат мы вытащили, и, как это ни невероятно, над фарфоровой чашечкой, берушей образцы пробы, нашли привязанный носовой платок мистера Хедли с его меткой. Команда поражена, и никто не может догадаться, как это могло произойти. В следующей записи я постараюсь сообщить больше подробностей».

Так получили мы последнюю весточку от наших погибших товарищей.

Мы оставались подле корабля, пока не почувствовали, что воздух внутри наших колпаков сгустился и в груди ощущается тяжесть. Мы поняли, что это предупреждение о необходимости скорее возвращаться.

На обратном пути мы пережили приключение, показавшее нам, каким серьезным опасностям подвергается подводный народ и почему за такою огромным промежутком времени численность атлантов возросла так незначительно — до четырех-пяти тысяч человек, не более.

Мы спустились со ступеней и шли вдоль опушки подводных джунглей, растущих у подножия базальтовых утесов, когда Мэнд взволнованно указал вверх и замахал руками одному из атлантов, отделившемуся от группы и шедшему поодаль по открытому месту. В ту же минуту атланты бросились к большим валунам, увлекая нас за собой. Только забравшись под прикрытие валунов, мы узнали причину внезапной тревоги.

На некотором расстоянии от нас сверху быстро спускалась крупная рыба необычайного вида. Формой она напоминала огромный пловучий пуховой матрац, рыхлую перину; нижняя часть имела светлую окраску; вокруг тела свисала длинная красная бахрома, вибрации которой

Сверху быстро спустилась огромная рыба, имеющая необычайный вид.

давали поступательное движение всему телу. Повидимому, у рыбы не было ни глаз, ни рта; но вскоре мы заметили, что она обладает чрезвычайной чуткостью.

Атлант, остававшийся на открытом месте, со всех ног бросился к нам под прикрытие. Он сделал это поздно, слишком поздно! Его лицо исказилось от ужаса, когда он увидел, что смерть неминуема. Страшное существо опустилось прямо на него, обволокло его со всех сторон, прижало к почве, жадно пульсируя, точно раздавливая его тело о кораллы.

Трагедия разыгралась в нескольких шагах от нас. Атланты были застигнуты врасплох, растерялись и, казалось, потеряли всякую способность к сопротивлению. Тогда Сканлэн бросился вперед и, вспрыгнув на широкую спину чудовища, испещренную красными и коричневыми точками, вонзил острый конец копья в его мягкое тело. Я последовал примеру Сканлэна, и, наконец, Маракот с атлантами атаковали чудовище, которое медленно заскользило прочь, оставляя за собою клейкий маслянистый след.

Наша помощь подоспела слишком поздно: тяжесть колоссальной рыбы раздавила стеклянный колпак атланта, и он захлебнулся.

Это был день скорби, когда мы несли тело погибшего обратно в Храм Безопасности, но это был и день триумфа для нас: быстрая смётка и энергия возвысили нас в глазах подводных людей. О страшной рыбе Маракот говорил, что это разновидность «рыбы-покрывала», хорошо известной ихтиологам, но экземпляр такой величины не грезился никому и во сне.

Я упоминаю об этом существе лишь потому, что оно едва не послужило причиной нашей гибели. Но я, может быть, напишу целую книгу о той удивительной жизни на дне океана, которой я был свидетелем.

В глубине океана преобладают красный и черный цвета. Растения имеют бледно-оливковый цвет и такую прочность стеблей и листьев, что наши драги чрезвычайно редко вытаскивают их. На этом основании наука пришла к убеждению, что дно океана совершенно оголено. Многие глубоководные животные необычайно красивы, а другие уродливы и страшны, как видения кошмара, и гораздо опаснее всех земных тварей.

Я видел черного ската с шипами десяти метров длиной и ужасным когтем на хвосте, один удар которого способен уложить на месте любое живое существо. Я видел лягушкоподобное создание с зелеными глазами навыкате... огромный прожорливый рот с желудком в качестве придатка... Встреча с этим существом смертельна, если у вас нет с собой электрического фонаря, чтобы ослепить животное. Я видел слепого красного угря, который лежит среди камней и убивает жертву, выпуская сильнейший яд. Я видел ужас глубин — гигантского морского скорпиона и рыбу-чорта, шныряющего в подводных зарослях...

Однажды я удостоился чести видеть настоящего морского змея — существо, которое редко видели глаза человека, потому что оно живет на огромной глубине. Два морских змея проскользнули однажды мимо нас с Моной в густых зарослях водорослей. Они были огромны, эти змеи, до трех метров в ширину и около семидесяти метров в длину, черные сверху, серебристо-белые снизу, с огромными бахромчатыми плавниками на спине и крошечными, как у быка, глазами. Об этом и о многих других интересных вещах вы найдете подробный отчет в бумагах доктора Маракота, если когда-нибудь они до вас дойдут.

Неделя за неделей тянулась наша новая жизнь. Существование наше было вполне удовлетворительно. Мы понемногу усваивали чуждый нам язык, так что могли уже говорить со своими друзьями. В подводном городе было бесконечно много разных областей для изучения и наблюдения, и вскоре доктор Маракот настолько постиг древнюю химию, что гордо заявил, что может теперь перевернуть вверх дном всю современную науку, революционизировать все ее принципы и законы, если сумеет передать культурным странам то, что узнал.

Между прочим, атланты давно научились разлагать атом, и хотя освобождающаяся при этом энергия значительно меньше, чем предполагали наши ученые, все же она настолько велика, что служит им неисчерпаемым резервуаром движущей силы. Их знания в области энергетики и природы эфира также много обширнее наших, и то непостижимое для нас превращение мысли в живые образы, посредством которого мы смогли рассказать им нашу

историю, а они нам — свою, явилось следствием открытого атлантами способа превращать колебания эфира обратно в материальные формы.

Их наука знала много такого, что у нас является последним словом в области знания; многие наши открытия были предвосхищены ими...

На долю Сканлэна выпала особая честь. Неделями он пребывал в состоянии загадочного волнения, очевидно едва удерживаясь от того, чтобы не раскрыть какой-то секрет, и постоянно ухмыляясь собственным мыслям. За это время мы видели его лишь изредка и мельком — он был очень занят. Единственным его другом и поверенным был толстый жизнерадостный атлант по имени Бербрикс, который работал в машинном отделении Храма Безопасности. Сканлэн и Бербрикс, беседы которых велись главным образом посредством жестикуляции и частых дружеских шлепков по спине, скоро стали большими друзьями и подолгу запирались вдвоем.

Однажды вечером Сканлэн пришел, весь сияя.

— Послушайте, доктор, — сказал он Маракоту, — я обмозговал тут одну штуку и хочу ее продемонстрировать почтеннейшей публике. Они показали нам кое-что любопытное, но я полагаю, что пора утереть им нос. Что вы думаете, если пригласить их завтра вечером на представление?

— Джаз или чарльстон? — спросил я.

— Чепуха ваш чарльстон! Погодите — увидите. Это замечательная штука, товарищи, но больше я ни слова не скажу. Я не хочу вас посвящать в свой секрет, мне самому лестно им шегольнуть.

На следующий вечер вся коммуна собралась в музыкальном зале. На эстраде стояли Сканлэн и Бербрикс, сияя от гордости. Один из них тронул кнопку, и тут, выражаясь языком Сканлэна, «на нас здорово ошарашило».

— Алло, алло, говорит 2LO!¹ — раздался звонкий голос. — Лондон вызывает Британские острова. Слушайте метеорологический бюллетень.

Затем последовали стереотипные фразы о давлении и антициклоне.

¹ Позывные английской радиовещательной станции в Польше.

— Первый бюллетень новостей дня... Сегодня состоялось открытие нового корпуса детской больницы в Хаммерсмите...

И так далее, и так далее... Знакомые слова! И снова мы мысленно унеслись в Англию...

Потом мы слышали иностранные новости и хроннку спорта. Земной мир жил попрежнему.

Наши друзья атланты с любопытством слушали, но ничего не понимали. Зато, когда гвардейский оркестр грянул марш из «Лознгринга», крики восторга раздались с трибун, и было забавно видеть, как слушатели ринулись к эстраде, заглядывали за занавес, искали за экраном чудесный источник музыки. Да, и мы приложили свою руку к чудесам подводной цивилизации!

— Нет, сэр, — говорил потом Скэнлэн, — передающую станцию я сам смастерить не сумел. У них нет подходящего материала, а у меня малость нехватает мозгов. Но дома, там, наверху, я сам состряпал двухламповый приемник, натянул антенну на крыше между веревками для просушки белья и мог поймать любую станцию Штатов. Стыдно было бы, имея под рукой все их электрические штуки и стеклодувные мастерские, далеко опередившие наши, не обмозговать машинку, улавливающую эфирные волны, хотя они проходят по воде хуже, чем по воздуху. Старина Бербрикс чуть с ума не сошел, когда мы в первый раз зацепили волну, но теперь по привычке, и я думаю, что радио станет тут самым обиходным делом...

Среди изумительных открытий химиков Атлантиды имеется газ в девять раз легче водорода, которому Маракот дал название «левиген». Его опыты с этим газом навели нас на мысль послать на поверхность океана в сделанном из эластичного стекла атлантов шаре сообщение о нашей судьбе.

— Я говорил с Мэндом и разъяснил ему, в чем дело, — объяснил Маракот. — Он отдал распоряжение в стеклодувную мастерскую, и через день-два стеклянные шары будут готовы. В шаре обычно оставляют небольшое отверстие для наполнения газом. В него можно просунуть свернутый в трубочку листок бумаги. Потом эти молодцы-стекольщики запаяют шар. Я уверен, что когда мы выпустим шары, они стрелой помчатся кверху и, вероятно, при-

влекут внимание, так как будут отражать лучи солнца. Мы находимся под оживленным морским путем из Европы в Южную Америку, и я не вижу причин, почему бы хоть одному из шаров не дойти по назначению.

Этим дело не кончилось. За этой мыслью появилась другая, еще более смелая; ее родил изобретательный мозг механика-американца.

— Послушайте, друзья, — сказал он, когда мы сидели одни в своей комнате. — Здесь очень славно, но все-таки бывают времена, когда дозарезу хочется увидеть родную землю и солнышко в небе!

— Мы все об этом мечтаем, — ответил я. — Но положительно не видно, как могли бы мы осуществить нашу мечту.

— Погодите, хозяин: если эти шары с газом могут унести от нас восточку, может быть они смогут и нас самих утащить наверх. Да вы не думайте, что я дурака валяю! Я все это прикинул и высчитал. Скажем, если связать три-четыре шара вместе и устроить такой лифт на одну персону — понимаете? Потом мы надеваем наши колпаки, привязываем стеклянные шары и берем груз. Третий звонок, мы бросаем груз и улетаем. Что нас может задерживать между дном и поверхностью?

— Акула, например...

— Подумаешь! Тьфу на вашу акулу! Да мы так проскочим мимо всякой акулы, что она и не разберет, в чем дело. Верьте слову: самая злющая акула начнет читать молитвы, когда увидит, с какой скоростью мы несемся!

— Ну, предположим, достигли мы поверхности. А что будет потом?

— Да бросьте вы ваше «потом»! Надо попытаться счастья или засесть здесь на веки веков. Я-то, во всяком случае, полечу...

— Я тоже ужасно хочу вернуться на землю, хотя бы для того, чтобы представить результаты своих наблюдений научным обществам, — отозвался Маракот.

Может быть, глаза Моны так повлияли на мой ответ, но я гораздо меньше других стремился наверх.

— Это сплошное безумие! — возразил я. — Так поступать страшно рискованно. Если наверху нас никто не будет ждать, мы будем бесконечно носиться по волнам и погибнем от голода и жажды.

— Слушайте, мистер Хедли, вы напишете в своих бумажках, которые пошлете наверх, что мы находимся под 27° северной широты и 28°14' западной долготы, или как там еще, — ну, словом, поставите нужные цифры. Поняли? Потом еще напишете, что три самых знаменитых в истории персоны: великий деятель науки Маракот, восходящая звезда по части собирания жуков Хедли и Боб Сканлэн — краса механического цеха и гордость заводов Меррибэнка, — все они взывают о помощи со дна морского. Чувствуете?

— Ладно. Что же дальше?

— Ну, им тогда все станет ясно. Уж их забота — вытащить нас отсюда или поджидать нас на поверхности, если мы ухитримся выпрыгнуть сами.

— Мы сможем выбраться самостоятельно, — сказал Маракот. — Пусть они спустят сюда глубоководный лот, мы к нему привяжем письмо с точными пояснениями.

— Вот это здорово! — воскликнул Боб Сканлэн. — А и здорово же вы придумали!

— А если некая леди пожелает разделить нашу участь, то четверо так же легко поднимутся, как и трое, — произнес доктор Маракот, ехидно посмотрев на меня.

Сейчас мы выпускаем два шара в воду, которая для нас является тем же, чем для вас воздух. Шары помчатся вверх. Пропадут ли оба в пути? Можно ли надеяться, что хоть один пробьется на поверхность? Все может быть...

На этом оканчивались записки, вынутые из стеклянного шара.

Немедленно после того, как Европа узнала из этих записок о несчастье с доктором Маракотом и его друзьями, началась энергичная организация спасательной экспедиции. Банкир Фавержэ предоставил прекрасную паровую яхту для нужд экспедиции и решил сам на ней отправиться. «Марион» отплыла из Шербурга в июне, захватила в Саутгемптоне сотрудника агентства «Ассошиэйтед Пресс» мистера Кей Осборна и кинооператора и немедленно вышла в океан, направляясь к пункту, точно указанному в документе. На место она прибыла 1 июля...

Был спущен глубоководный лот на крепком проволочном канате, и его медленно повели по дну океана. На конце лота, кроме свинцового груза, была привешена бутылка с письмом внутри. В нем говорилось:

Ваш отчет получен и опубликован во всем мире. Мы прибыли сюда спасти вас. Это же сообщение посылаем вам по радио в надежде, что оно тоже дойдет до вас. Мы будем медленно двигаться над вашей пропастью. Вынув это письмо из бутылки, положите на его место ваши инструкции. Мы их выполним в точности.

Два дня медленно и безрезультатно крейсировала «Марион». На третий день спасательную экспедицию ожидал сюрприз. Небольшой блестящий шар выскочил из воды в нескольких метрах от корабля; это оказался стеклянный почтальон того именно типа, что описан в документе Хедли. Когда шар не без труда был вскрыт, в нем оказалось письмо следующего содержания:

Благодарим вас, дорогие друзья! Приветствуем вашу смелость, доброту и энергию. Мы легко уловили ваши радиопризывы и имеем возможность отвечать вам с помощью шаров. Мы попытались поймать ваш лот, но течение относит его высоко вверх и он скользит так быстро, что самый проворный из нас, преодолевая сопротивление среды, не может за ним угнаться. Мы предполагаем назначить свое отплытие отсюда на шесть часов утра завтра, в среду 5 июля, если не ошиблись в счете дней. Мы будем отправляться поодиночке, так что все замечания и указания, возникнувшие после появления первого из нас, можно сообщить по радио тем, кто отправится позже. Еще раз сердечно благодарим вас.

Маракот, Хедли, Скэнлэн.

Дальнейшие строки являются выпиской из отчета мистера Кей Осборна.

Было прекрасное утро. Темносапфировое море было спокойно, как озеро, и небосвод не омрачался ни единой тучей. Еще до восхода солнца вся команда «Марион» была на ногах и с живейшим интересом ожидала событий. Когда время стало приближаться к шести часам, общее волнение достигло апогея. На сигнальной мачте был помещен особый дозорный. Было без пяти шесть, когда мы услышали его крик и увидели, что он указывает на что-то справа от корабля.

Сквозь слой прозрачной воды я увидел нечто вроде серебристого пузыря, с большой скоростью поднимавшегося из глубины океана. Пузырь вырвался на поверхность метров в ста от яхты и взлетел на воздух; он оказался красивым блестящим шаром около метра в диаметре; шар легко опустился на воду и медленно поплыл по ветру, покачиваясь, как детский воздушный шарик. Это было волшебное зрелище, но оно заронило тревогу в наши сердца: под шаром болтался обрывок веревки.

Тотчас же была послана следующая радиограмма:

Ваш шар вынырнул рядом с судном. Ни в нем, ни под ним ничего не было найдено. Тем не менее, мы спускаем лодку, чтобы быть готовыми ко всему.

Вскоре после шести часов послышался новый сигнал дозорного, и через мгновение я снова увидел другой, отличающийся серебряным блеском шар, поднимавшийся из глубины гораздо медленнее, чем первый. Достигнув поверхности, он слегка поднялся на воздух и приподнял над водой привязанный к нему груз. При ближайшем рассмотрении груз оказался пачкой книг, бумаг и разнообразных мелких предметов, обернутых в непромокаемую рыбу кожу. Шар был доставлен на борт, о его прибытии отправлена радиограмма, а мы с нетерпением стали ожидать дальнейшего.

Ждать пришлось недолго. Опять показался серебристый пузырь, опять он всколыхнул и прорвал гладь океана, но на этот раз поднялся в воздух очень высоко, увле-

кая за собой, к нашему удивлению, тонкую женскую фигуру. Затем шар медленно опустился на воду, и через мгновение девушка была на борту яхты. Вокруг стеклянного шара, выше его «экватора», было прикреплено кожаное кольцо, от которого свисали длинные ремни, привязанные к широкому кожаному поясу, охватывавшему грудь девушки. Выше пояса ее голова и плечи были заключены в оригинальный грушевидный стеклянный колпак (я называю его стеклянным, но он был из того же легкого упругого материала, похожего на стекло, что и шары). Колпак был совершенно прозрачный, с легкими серебристыми прожилками.

С некоторым усилием мы сняли колпак и уложили атлантку на палубе. Девушка лежала в глубоком обмороке, но равномерное дыхание внушало надежду, что она скоро оправится от последствий стремительного полета и перемены давления, которое было сведено к минимуму тем, что плотность воздуха в защитном колпаке была значительно выше, чем в нашей атмосфере. Такую плотность без особого труда выносят ловцы жемчуга, ныряющие на дно.

Повидимому, это была та девушка из Атлантиды, которую в первом письме Хедли называл Моной, и если судить по ней, атланты действительно являются прекрасной расой, достойной снова появиться на земле. Она очень смуглая, у нее прекрасная, изящная фигура, длинные черные волосы и великолепные глаза газели, которые теперь смотрят по сторонам с выражением очаровательного любопытства. Морские ракушки и перламутр украшают ее кремовую тунику и блестят в темных локонах. Нельзя представить себе более прекрасной наяды из пучины океана — это само воплощение очарования моря! Мы видели, как в ее глазах постепенно появлялось вполне сознательное выражение, потом она вдруг вскочила на ноги с грацией лани и подбежала к борту яхты.

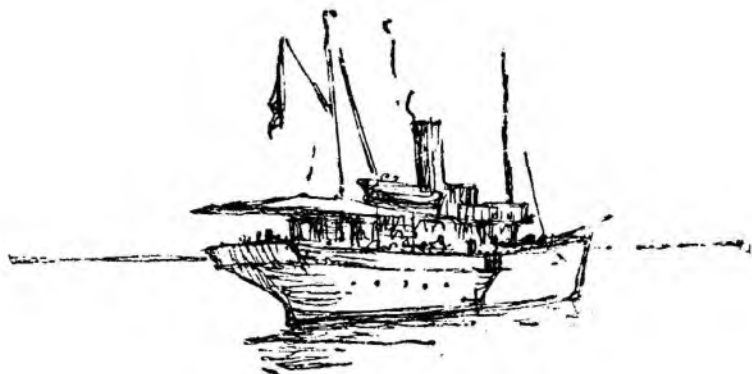
— Кирус! Кирус! — кричала она.

Немедленно был послан вниз тревожный запрос по радио. Но тут быстро, один за другим, прибыли все трое. Они подпрыгивали на десять-пятнадцать метров в воздух и снова опускались на воду, откуда их быстро извлекали. Все трое были без сознания, а у Сканлэна текла кровь из ушей и носа. Но через час они все уже были в силах подняться на ноги. Первые движения каждого из них были удивительно забавны.

Хохочущая группа моряков увлекла Скэнлэна в буфет, откуда и сейчас доносятся веселые возгласы. Доктор Маракот схватил пачку бумаг, вытащил тетрадь, исписанную, насколько я могу судить, алгебраическими формулами, и молча пошел в каюту. А Кирус Хедли бросился к странной девушке и, по последним данным, имеет твердое намерение никогда от нее не отходить.

Вот каково положение дел в данный момент.

Подробности этого удивительного приключения будут сообщены дополнительно самими вырвавшимися из подводной Атлантиды.

Оол. В. С. С. С.

Обложка М. ГЕТМАНСКОГО

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Отв. редактор *М. Поступалоский*.
Подписано к печати 24/XII 1943 г.
4 1/4 печ. л. (3,7 уч.-изд. л.).
35 776 зн. в п. л. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 4294, ЛР2559.
Цена 1 р. 25 к.

Фабрика детской книги Деиза
Наркомпроса РСФСР. Москва,
Сущевский вал, 49.

П. М. Г.

50

86

08

47

Цена 1 р. 25 к.

16